

Княжна Барбара Соломерецкая (?–1595) – безнаказанная преступница, часть I

Natallia Sliž (Наталля Сліж)

EUROPEAN UNIVERSITY INSTITUTE
(Европейский Университетский Институт,
факультет истории и цивилизации,
Флоренция)
ORCID: 0000-0002-9907-9761

ABSTRACT

Princess Barbara Salamiareckaja (?–1595) an unpunished offender

The article is devoted to Barbara Salamiareckaja (?–1595). She was born in the princely family. It is possible to find Her history of life in the archive in Warsaw. Her biography has not been analyzed in the historiography yet. Barbara was married three times. The first husband was Kanstancin Chadkievič. He died soon after marriage. Than Salamiareckaja became Stanislaū Davojna's wife. It was a period of her criminal activity. Salamiareckaja tried to kill her husband and took away his property. She used the gaps in legal system to avoid punishments. Filip Limant helped her greatly than he became her third husband. In the Salamiarecki family, only Barbara distinguished herself by her criminal activity. This case is very unique. Such female crimes were not widespread among the nobility of the Grand Duchy of Lithuania.

KEY WORDS: Barbara Salamiareckaja, Grand Duchy of Lithuania, criminal cases

SŁOWA KLUCZOWE: Barbara Sołomiereckaja, Wielkie Księstwo Litewskie, sprawy kryminalne

Существует определенное представление, что у лиц благородного происхождения рождаются приличные потомки. Эта мысль активно пропагандировалась в панегирической литературе XVII в., которая посвящалась шляхте. Но документы свидетельствуют, что набилитету были присущи не только лучшие черты характера. Очень интересным примером является история жизни Барбары Соломерецкой, которая происходила из известного княжеского рода. Биографическая информация сохранилась в документах из архива Горностаев. К этой коллекции и истории рода Горностаев мы обращались в наших публикациях¹. Этот род был связан с Соломерецкими родственными отношениями. Этим объясняется наличие источников в архиве. Стоит отметить, что не всегда можно обнаружить такую хорошую сохранность документов о женщине, а тем более, если они представляют ее правонарушения. Основные источники представлены в фонде Горностаев, а часть – в фонде Радзивиллов в Варшаве. Но подтвердить дополнительно изобретенную информацию из архивов Менского, Новгородского, Лидского, Берестейского поветовых судов не представляется возможным по причине утраты книг за этот период².

Если о Соломерецких и его представителях существует ряд научных работ³, то отдельного исследования о Барбаре Соломерецкой так и не появилось.

1 Н. Сліж, *Сям'я Івана Гарнастая, падскарбія ВКЛ*, «*Białoruskie Zeszyty Historyczne*» (далее: BZH) 2012, № 38, с. 7–46; *eadem*, *Лёс дзяцей Івана Гарнастая, падскарбія ВКЛ*, BZH 2013, № 39, с. 38–72; *eadem*, *Справаздача ўраднака маёнтка Азярніца Івану Гарнастаю аб сельска-гаспадарчых працах (1553–1555)*, «*Studia Historica Europae Orientalis*. Исследования по истории Восточной Европы» (далее: SHEO) 2014, вып. 6, с. 270–296; *eadem*, *Вайна за спадчыну ў сям'і Гарнастаяў*, SHEO, вып. 8, с. 242–258.

2 В статье используются географические названия, собственные имена, название должностей и государственных структур, которые использовались в Великом Княжестве Литовском. В написании женских фамилий используются формы, которые были приняты в ВКЛ по семье происхождения, например, Гайковна, или по мужу – Давойновичова.

3 J. Wolff, *Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895, с. 492–503; Т. Кемпа, *Sołomerecka z Hoskich Regina* [в:] *Polski słownik biograficzny* (далее: PSB), т. 40 (3), з. 166, Warszawa–Kraków 2001, с. 325–326; *idem*, *Solomerecki Bohdan Iwanowicz* [в:] PSB, т. 40 (3), з. 166, с. 326–327;

idem, Solomerecki Iwan Wasylewicz [в:] PSB, t. 40 (3), z. 166, с. 327–329; *idem, Solomerecki Mikolaj Lew* [в:] PSB, t. 40 (3), z. 166, с. 329; *idem, Solomerecki Wasyl Iwanowicz* [в:] PSB, t. 40 (3), z. 166, с. 329–330; Н. Сліж, *Сямейныя адносiны і шлюбныя стратэгіі Саламярэцкіх у 16 – першай палове 17 ст.*, «Гістарычны альманах» 2005, т. 11, с. 86–121; *eadem, Царква і манастыр у Старым Саламярэччы*, «Архіварыус» 2008, № 6, с. 203–212; *eadem, Малодшая галiна княжацкага роду Саламярэцкіх на Пiншчыне*, «Arche. Палесье: народы, улады і войны» 2010, № 3, с. 225–234; К. Pietkiewicz, *Pierwsi kniaziowie Solomie-reccy* [в:] *Inter Regnum et Ducatum Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiąt rocznicę urodzin*, P. Guzowski, M. Liedke, K. Boroda (red.), Białystok 2018, с. 427–440.

4 R. Mienicki, *Stanisław Dowojno wojewoda połocki*, «Ateneum Wileńskie: Czasopismo Naukowe Poświęcone Badaniom Przeszłości Ziemi W. X. Litewskiego» 1937, t. 12, с. 478–479.

5 Привилей Ивану Василевичу Соломерецкому на аинскую державу был дан 21 октября 1541 г. за заслуги перед государством и при содействии королевы Боны Сфорци. Национальны гістарычны архіў Беларусі (далее: НГАБ), КМФ-18, спр. 28, арк.1.

6 *Метрыка Вялікага княства Літоўскага*, кн. 28: (1522–1552 гг.), Минск 2000, с. 48; И. Малиновский, *Сборник материалов относящихся к истории панов Рады Великого Княжества Литовского*, Томск 1902, с. 60–61; М.К. Любавский, *Литовско-Русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства*, Москва 1900, с. 418; Т. Кемра, *Solomerecki Iwan Wasylewicz*, с. 327–329; J. Wolff, *op.cit.*, с. 496.

Польский историк Ришард Меницкий первый обратил внимание на ее авантюрный характер в работе посвященной полоцкому воеводе Станиславу Давойне. Он считал, что княжне были присущи стяжательство, насилие, сварливость, нечестность. Такое мнение ема, позволила сделать работа с документами из архива Горностаев⁴. В нашей статье мы попытаемся проследить судьбу Барбары Соломерецкой, представить ее поступки и попытаться разоблачить их причину. Кроме того, будет обращено внимание проблемные моменты судебной системы ВКЛ. Таким образом, исследование сосредоточено на таких аспектах: происхождение Соломерецкой, браки с Константином Тышкевичем, Станиславом Давойной, Филиппом Лимонтам, судебные дела с Гаврилом Горностаем.

Происхождение и семья Б. Соломерецкой

Род Соломерецких – это древний православный род. Имел основную резиденцию в Старом Соломеречье (Менский павет). Барбара родилась в семье Ивана Соломерецкого (?–1578) и Анны Глебовичевны (?–1593). Отец занимал ряд должностей, королевский дворянин (1538), аинский (1541)⁵, Глусский (1554) и дубашинский (1554) державца (последнюю державу сменил на быховскую в 1556 г., Сигизмунд Август отдал ее Хдкевичу), мстиславский и радомльский староста (1558), первый мстиславский кашталян (1569). Последнюю должность Иван получил от Сигизмунда Августа за хорошую службу в качестве мстиславского старосты. Занимаемая должность заставляла быть в курсе московских дел и принимать участие в Ливонской войне⁶. Умер Иван в 1578 г. В сентябре Анна Глебовичевна в письме к дочери Барбаре писала с сожалением о ее отсутствии на похоронах отца по причине плохого состояния здоровья. Барбара была вынуждена повернуть домой с середины дороги⁷.

Анна Соломерецкая написала свой завещание в Соломерецком Городке 27 апреля 1593 г. В Менском городском суде оно было записано 1 мая этого же года. Причиной для составления документа последней воли стала тяжелая болезнь. Свою душу Анна поручала Богу и св. Троицы. Сына Богдана она просила похоронить ее тело в крипте Соломерецкой церкви, где находилось тело ее мужа. В документе отмечалось, что Богдан почтительно относился к ней, помогал после смерти мужа в решении всевозможных дел, заплатил за нее долги в размере 15 000 коп литовских грошей. Он получил ее имение Кельмы⁸, вена – 2492 копы литовских грошей, которые муж записал на 1/3 своих владений и движимое имущество, имение Семково в Менском повете, имение и двор Буйничи в Оршанском повете, двор Косово, сёлы Ледневичи и Оболь в Витебском воеводстве. Обычно, имущество матери делилось поровну между всеми детьми. Однако в данном случае дочери не получили ничего даже перстня, что довольно редкое явление. Возможно, это было сделано раньше. В документе А. Соломерецкая апеллировала к Статуту ВКЛ 1588 (разд. 8, ст. 2), где записано, что приобретенное имущество лицо может подарить, кому захочет. Из перечисленных владений только Кельмы были материнским имуществом. В данном случае отмечается нарушение законодательства. При обращении в суд сестры имели возможность выиграть процесс. Дошло ли до этого неизвестно, но в 1595 г. Богдан подарил своим сестрам по части имения Титовляны в Берестейском воеводстве⁹.

Завещание подчеркивает чрезвычайно хорошее отношение матери к сыну, которое подтверждается передачей ему почти всего имущества. Это довольно редкий случай таких дифференцированных отношений. После смерти мужа Анна осталась жить в Соломерецком Городке при сыне, где и умерла. Из документов понятно, что сын принимал активное

7 Archiwum Główne Aktów Dawnych (далее: AGAD), Archiwum Potockich z Radzyna (далее: APR), sygn. 324, k. 59–60.

8 А. Соломерецкая подарила сыну Богдану движимое имущество, которые записал ей муж в своем завещании (1586), и имение Кельмы в 1586 г. НГАБ, ф. 1324, воп. 1, спр. 11, арк. 52–52 адв.

9 НГАБ, ф. 694, воп. 1, спр. 19, арк. 170 адв.; Lietuvos mokslų akademijos Bibliotekas rankraščių skyrius (далее: LMABRS), f. 21–1217.

¹⁰ Полное собрание русских летописей, т. 32, Москва 1975, с. 175–176; T. Kempa, *Sołomerecki Bohdan Iwanowicz*, с. 326–327.

¹¹ Дисненским старостой Боркулаб Корсак стал за заслуги перед государством, включая военные. И.И. Лаппо, *Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586)*, т. 1, СПб 1901, с. 267, 269.

¹² J. Wolff, *op.cit.*, с. 497.

¹³ LMABRS, f. 21–1217; AGAD, Archiwum Radziwińców [далее: AR], dz. 23, teka 68, plik 1, k. 275–280.

участие в ее жизни, решении ее проблем, досматривал ее до последнего дня. Почему Барбара не получила от матери имущества это будет понятно из дальнейших документов. Отношение относительно второй дочери Марины трудно объяснить без дополнительных источников, возможно на это повлияла смена религии.

В семье Ивана и Анны родились сын Богдан и дочери – Барбара и Марина. Кратко упомянем о судьбе сына и дочери Марины. Кричевский (1580) и овлучский староста Богдан Соломерецкий (?–1602) был единственным потомком Ивана. Рос он при дворе Сигизмунда Августа, где начал военную карьеру. Богдан принимал участие в полоцкой кампании против Москвы под руководством Стефана Батория (1579), вместе с оршанским старостой Филоном Кмитом дошел до стен Смоленска. Хотя не занимал высоких должностей, но играл определенную роль в отношениях между ВКЛ и Московским княжеством, передавал информацию о событиях на границе¹⁰. 8 августа 1583 г. Богдан женился на Еве Боркулабовне (?–1626). Свадьба состоялась в Вильно. Жена происходила из семьи свислочского державцы, могилевского подстаросты (1555) и дисненского старосты (1566)¹¹ Боркулаба Ивановича Корсака (?–1576) и Поланеи Василевны Крошинской (?–1594). Дочь Марина стала женой сына подскарбия ВКЛ Миколая Нарушевича и Барбары Кунцевичевны – Яна (?–ок. 1613). Он был кальвинистом¹². Наиболее вероятно, что она приняла религию мужа, так как в завещании матери и А. Соломерецкой называется ее другое имя Раина. Причем мать однозначно пишет, что раньше была Мариной, а стала Раиной¹³.

Первый брак Барбары с Константином Ходкевичем

Барбара первый раз вышла замуж за Константина Ходкевича (?–1571), который был сыном Юрия

Александровича Ходкевича (?–1569) и Евгении Горностаевны¹⁴. Они были в родственных отношениях, муж приходился Барбаре двоюродным племянником. Ее тетья Анна Соломерецкая вышла замуж за Ивана Горностая. У них, среди прочих детей, родилась дочь Евгения, которая и стала женой Ю. Ходкевича¹⁵.

Стоит обратить внимание на род К. Ходкевича, так как он на то время занимал важные позиции в ВКЛ. Отец Юрий происходил из семьи знаменитого Александра Ходкевича, который основал Супрасльский монастырь. Он вместе с братьями гетманом ВКЛ Григорием и виленским каштеляном Иеронимом разделил отцовское наследство. Юрий занимал следующие должности: троцкий каштелян (1566), крайчий ВКЛ (1555), стольник ВКЛ (1549), бельский, ошмянский и пуньский староста. Участвовал в политической жизни ВКЛ, был послом в Москву в 1563, 1566 гг., выступал против Люблинской унии¹⁶.

Юрий был дважды женат. В первом браке кроме сына Константина еще родилась дочь София. Второй брак был с Софией княжной Слуцкой. При содействии земского маршалка ВКЛ Миколая Радзивилла была удовлетворена Сигизмундом Августом просьба Семена Слуцкого выдать замуж сестру Софию за Юрия Ходкевича. О чем был написан специальный лист Юрию Юрьевичу Слуцкому от 20 марта 1557 г. В браке родились сыновья Юрий, Василий¹⁷ и Ярош (Иероним) и дочь Альжбета. Вероятно, Василий умер в детстве, так как упоминания о нем в других документах отсутствуют. 6 июня 1568 г. в Гродно, во время сейма, в присутствии свидетелей новгородского воеводы Павла Сапеги, берестейского воеводы Юрия Василевича Тышкевича, подляшского каштеляна Григория Есифовича Тризны Юрий составил завещание. Согласно ему опекунами жены и несовершеннолетних детей назначались брат, гетман ВКЛ Григорий Ходкевич, троцкий воевода, князь Степан Андреевич Збаржский, жемайтский староста Ян

¹⁴ J. Jasnowski, *Chodkiewicz Jerzy (Jury)* [в:] PSB, t. 3, Kraków 1937, с. 369.

¹⁵ Н. Сліж, *Лёс дзяцей Івана Гарнастая...*, с. 53.

¹⁶ J. Jasnowski, *op.cit.*, с. 369; J. Maroszek, *Prawa i przywileje miasta i dóbr ziemskich Zabłudów XV–XVIII w.*, Białystok 1994, с. 61–66; G. Kirkiene, *LDK politikos elito galingieji: Chodkevičiai XV–XVI amžiuje*, Vilnius 2008, с. 149–167.

¹⁷ Теодор Жихлинский пишет про еще сына Миколая, который умер в детстве. Т. Zychliński, *Złota księga szlachty polskiej*, t. 2, Poznań 1880, с. 57.

¹⁸ Archiwum Narodowe w Krakowie (далее: ANK), Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów (далее: AMCh), sygn. 38, k. 1–7, 7–8; G. Kirkiene, *op.cit.*, p. 158.

¹⁹ НГАБ, ф. 1755, воп. 1, спр. 6, арк. 774–786.

Юрьевич Ходкевич, надворный маршалок Остафей Волович. Жене Софии были подтверждены записи, которые она получила при браке, а также было подарено движимое имущество. София, дочь от первого брака, получила 2000 коп литовских грошей в качестве приданого. Деньги были записаны ранее первой жене на Берестовице, когда был заключен брак. Эту сумму были обязаны выплатить все сыновья. Также на долю Софии приходились драгоценности и вещи ее матери. Юрий поступил в соответствии с традицией – передал приданое матери дочери. Вторую дочь должны были выдать замуж опекуны и согласно Статуту 1588 г. выделить приданное с имений отца. Выслуга у Сигизмунда Августа – имение Клепачи с церковью, две мельницы на реке Свислочь – предназначались старшему сыну Константину. С этого владения приданное не надо было давать¹⁸.

Исходя из веновной и долговой записей, брак Константина и Барбары состоялся в сентябре 1570 г. Документы были составлены в замке в Соломеречье в один день 15 сентября и записаны в книги Менского гродского суда, а впоследствии перенесены в Городненский земский суд. Константин Ходкевич за приданое в сумме 2000 коп литовских грошей и 1000 в движимом имуществе записал жене вена 6000 коп на 1/3 имущества, которое предполагалось получить при разделе с братьями. В случае его смерти 6000 коп должны будут выплатить братья. А если Барбара умрет без наследников, то приданое возвращалось Ивану Соломерецкому. Одновременно К. Ходкевич одолжил у жены 2000 коп под имение Берестовица, на котором уже был долг в 4000 коп¹⁹.

Данные источники позволяют говорить, что свадьба состоялась в Соломеречье. Там же были выполнены основные формальности: передача приданого и оформление веновной записи. Наличие долговой записи свидетельствует о необходимости жениха в финансах и меркантильный интерес к браку.

Почему именно состоялся этот брак и между кем были предварительные договоренности точно судить очень сложно. Отец Константина уже умер на то время. Иван Соломерецкий вместе с женой А. Глебовичевой устраивал судьбу дочери. За Барбарой дали довольно большой приданое и при этом известно, что у К. Ходкевича были материальные трудности, связанные с долгами отца. Возможно, здесь был расчет на владения, которые в будущем он должен был получить после раздела наследства. Но заметим, что долговые записи могли еще выступать как форма передачи имущества жене.

Однако это была не единственная долговая запись. Константин Ходкевич одолжил у служебника отца Яна Демидовича, у своего служебника Миколая Брезинского, у шляхтича Семена Глушковского (1568), у Шимона Грибовского (1570), вместе с Барбарой у своего служебника Петра Бискуповского (1571)²⁰.

Брак был очень коротким. В апреле 1571 г. К. Ходкевич сильно болел и не мог уже выезжать из имения. 5 апреля в Берестовице он составил завещание, а 12 июня Барбара послала служебника П. Бискуповского вписать его в Городенский земский суд. Похоронить должны были в Супрасльском монастыре. Барбару, которая была на то время беременна, муж передал под опеку гетману ВКЛ Григорию Ходкевичу, жемойтскому старосте Яну Геронимовичу. За приданное подтверждалась вена 8000 коп на имении Берестовица, т.е. на части, что будет получена после раздела с братьями. В завещании не объяснялось, что в сумму входила вена и долг. Дополнительно за хорошее к себе отношение назначал 2000 коп на имуществе матери, которое она внесла в дом отца и подарила ему. Также ей должны были отдать деньги, потраченные на погашение долгов отца и на приданое сестре. Барбара получала движимое имущество. Отдельно оговаривалась судьба будущего

²⁰ НГАБ, ф. 1755, воп. 1, спр. 4, арк. 283–285 адв., 399 адв.–403 адв.; спр. 6, арк. 410–413, 718–721.

21 НГАБ, ф. 1755, воп. 1, спр. 6, арк. 406–410.

22 Выражаю искреннюю благодарность за помощь с литературой и информацией по роду Тризнов Андрею Радоману и Владимиру Подолинскому. Biblioteka Raczynskich, rkps 94, k. 333–335; S. Ptaszycki, *Dzieje rodów litewskich, jako materiał do archeologii historycznej*, «Ateneum. Pismo Naukowe i Literackie» 1888, t. III, z. 3, s. 535–536; А. Радаман, *Патранальна-кліентальныя адносiны ў Новагародскім павеце і iх уплыў на палiтыву і дзейнасць органаў шляхецкага самакіравання ў другой палове XVI – пачатку XVII ст.* [в:] *Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XV–XVIII стст.): зборнік навуковых прац*, А.М. Янушкевіч (рэд.), Мiнск 2014, с. 267–269; *idem*, А. Янушкевіч, *Шляхта Новагародскага павеата ў наспалітым рушэнні ВКЛ 1567 года* [в:] *Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI–XVIII wieku)*, S. Górczyński, M. Nagielski (red.), Warszawa 2014, с. 367.

23 *Дневник Люблинского сейма 1569 года: Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским*, Санкт-Петербург 1869, с. 335; У. Падалiнскi, Л. Собалева, *Любiнская унiя 1569 г.* [в:] *Гiсторыя Беларусi: У 6 т., т. 2: Беларусь у перыяд Вялiкага Княства Лiтоўскага*, М. Касцюк (рэд.), Мiнск 2008, с. 468.

24 AGAD, AR, dz. 5, sygn. 12040.

ребенка в соответствии с полом. В случае рождения сына жена должна была заниматься его воспитанием и образованием. После отправить во двор смоленского каштеляна Григория Тризны, где раньше воспитывались сам Константин и дети его отца от второго брака. Для этой цели выделялось 2000 коп. Выслуга отца, имение Клепачи, жена могла держать до совершеннолетия сына. А если будет дочь, то ее нужно было воспитать прилично и выдать замуж с приданым 2000 коп. В случае смерти сына жена возвращала 5000 коп братьям²¹.

Интересным является единственное упоминание о дворе Григория Тризны, как место воспитания детей. Исходя из информации в литературе и источниках, можно отметить, что род Тризнов играл определенную роль в политической системе ВКЛ. Был связан родственными и супружескими отношениями с различными влиятельными родами. Сам Григорий происходил из семьи Есифа Тризны и Настасьи Мелешковны²². Тризна – неслучайная личность в окружении Ходкевичей. Он фигурировал в качестве свидетеля в завещании Юрия, отца Константина, что дополнительно свидетельствует об их знакомстве. Кроме того, у них были общие политические интересы. Оба выступали против унии с Польшей. Будучи подляшским каштеляном Тризна вместе подляшским воеводой Василием Тышкевичем выступил против инкорпорации воеводства в состав Польши. За что они были лишены должностей²³. О связи Тризны с Ходкевичами подтверждает письмо Иеронима, брата Юрия, к Миколаю Радзивиллу Черному 1549 г. в нем Иероним называет Григория Тризну своим служебником, которого он отправлял по разным поручениям, в том числе и к Радзивиллу²⁴. Это означает, что в Г. Тризна входил в круг клиентов и мог заниматься воспитанием детей Юрия Ходкевича.

Завещание Константина – это единственный документ, свидетельствующий о беременности Барбары.

Что произошло, точно трудно сказать, но потомков у Константина не осталось. 30 мая 1571 г., когда приехали опекуны Григорий и Ян Ходкевичи, чтобы разобрать дела после покойного, Барбара была вынуждена перенести все на другой день по причине слабого здоровья²⁵. Можно только высказать мнение, что или был выкидыш, или ребенок умер после рождения. Опекуны занимались документами, составили их реестр, список долгов Юрия и Константина Ходкевичей. Из реестра следует, что Константин, как старший сын, хранил у себя родительские документы. Реестр и завещание Константина остались у Барбары. В держание ей было передано имение Тростеница²⁶, которое находилось недалеко от Супрасля²⁷.

Долгое время между Барбарой и Ходкевичами шли судебные споры из-за имущества. В 1586 г. было заключено соглашение между ней и братьями первого мужа – Юрием и Иеронимом. Она отдала им имение Тростеница, а они отказали требовать от нее дол²⁸.

Официальные документы первого брака не дают возможности представить Б. Соломерецкую как авантюристку и преступницу. Наоборот, она выходит замуж за шляхтича с долгами, остается быстро вдовой, да еще беременной. Однако, перечисляя список преступлений Соломерецкой, берестейский воевода Гаврила Горностай утверждал, что она в судебные книги вписала фальшивое завещание, и к тому же отравила первого мужа (см. далее). Дополнительной информации о фальсификации найти не удалось. Об отравлении были только слухи, а самого уголовного дела не было. Трудно представить, что такой влиятельный род как Ходкевичи мог оставить такое преступление без наказания. Константин перед смертью сильно болел. Причины болезни документы не называют. Не исключаем, что ее могло спровоцировать отравление. Но доказательств на этот счет мы не имеем.

25 *Археографический сборник документов относящихся к истории Северо-западной Руси* [далее: АС], т. 4, Вильна 1867, с. 243.

26 Тростеница – старое владение Ходкевичей. G. Kirkiene, *Korzenie rodu Chodkiewiczów*, BZH 2002, nr 17, с. 51.

27 АС, т. 4, с. 242–245; J. Wolff, *op.cit.*, с. 497; T. Kempa, *Sołomerecki Iwan Wasylewicz*, с. 327–329.

28 НГАБ, КМФ-18, спр. 279, арк. 380–382.

29 W. Semkowicz, *O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachcią polską w Horodle roku 1413*, «Lituano-Slavica Posnaniensia» 1989, t. III, s. 103–107; R. Mienicki, *op.cit.*, s. 410–424.

30 T. Jaszczółt, *Ród Niemiry z Wsielubia – Niemirowiczowie i Szczytowie herbu Jastrzębiec do połowy XVI wieku* [в:] *Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*, S. Górzynski (red.), Warszawa 2015, s. 209–210, 235–236 (выражаю искреннюю благодарность российскому исследователю Сергею Полехову за возможность ознакомиться со статьей).

31 Про А. Немировича см.: S. Alexandrowicz, *Niemirowicz Andrzej* [в:] PSB, t. 22, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1977, s. 803–807; T. Jaszczółt, *op.cit.*, s. 213–235.

32 Про Венцлава Немировича см.: T. Jaszczółt, *op.cit.*, s. 211–212.

Второй брак со Станиславом Давойном: расцвет таланта преступницы

Второй раз Барбара вышла замуж за католика Станислава Станиславовича Давойну (?–1574). Этот брак, вероятно, заставил Барбару изменить религию. Муж происходил из древнего рода Давойнов. Так, братья Алехно, Андрушка и Ивашко были среди подписавших унию в Городли в 1411 г.²⁹ Отец Станислав Якубович был женат на Софье. Она происходила из семьи Петра Немировича и Софии. Кроме нее в семье родились Ян Пенька и Анна (жена Яна Яновича Давойны, вероятно второй раз вышла за Кулешу, в документах упоминается как Анна Кулешова). После смерти мужа Софья вышла замуж второй раз за Яна Стечку Далубовского. Станислав был в опеке бабки Анны Давойновичевой³⁰.

Чтобы понять дальнейшие события, обратим внимание на личность С. Давойны. Начал он свою карьеру при родственнике, киевском воеводе Андрее Немировиче, который принадлежал к зажиточной элите ВКЛ³¹. За хорошую службу и соответствующее отношение воевода его усыновил и записал 1/3 своих имений, а 2/3 записал как долг в сумме 1000 коп литовских грошей (1540). У киевского воеводы не было сыновей, поэтому он принял за сына С. Давойну, чтобы «его дом множился, и после смерти за упокой души подавалось». Однако данное решение оспаривали племянницы воеводы, дочери брата Венцлова³² – Анна, Анастасия, Дорота и Елена Немировны, так как в его владение перешли не только имения Андрея (Вселюб, Швинтяны (Швинты), двор на Антакле в Вильне, двор Долятичи (сейчас Делятичи) в Новогородском повете, двор Сивица в Минском повете), но и его братьев Яна и Бартоша, и сестры Ядвиги (1541). Во время процесса С. Давойна сам представлял свои интересы в суде и показал

довольно хорошее знание законодательства, а также судебных случаев и приговоры по ним, на которые он ссылался для аргументации. Записи киевского воеводы С. Давойны были оформлены в соответствии с законодательством. Но Давойне оставили 1/3 имущества Андрея Немировича, а 2/3 он мог держать в сумме 1600 коп литовских грошей, до выплаты их родственниками киевского воеводы (1541). В этом же году произошел раздел имущества³³. Как владелец Вселюба Давойна финансировал в местном костеле алтарь св. Троицы (1545)³⁴.

В 1540 г. Ян Петрович Немирович Пенько, свислочский и овручский державца, взял за сына племянника Станислава Давойну и записал ему 1/3 своих владений. В документе отмечалось, что Давойна служил ему с молодых лет³⁵. Его жена Анна Ивановна Сапежанка в 1552 г. приняла опеку С. Давойны и усыновила его. Записала ему свое вена, полученное от мужа за приданое – 1500 коп на владения Ишкольдъ (в документах Искольть), Лысица, Лунине (Лулине) и Луинце (Лулинце). За это Давойна должен был досматривать ее до старости, а по смерти опекать душу и похоронить по христианскому обычаю. Документ был составлен, когда Анна была уже больной. Ее завещание находилось на сохранении у виленского ксендза Яна из Доманова. В 1558 г. запись была подтверждена Сигизмундом Августом. 23 декабря 1560 г., будучи больной, Анна Сапежанка составила новое завещание в Ишкольди. Она подтвердила предварительную запись на усыновление С. Давойны. Просила его похоронить в Ишкольди в костеле св. Троицы, выплатить долги и вознаграждения служебникам. Свидетелями последней воли стали ишкольдский и липовский плебан, виленский алтарист Станислав Розбицкий, служебник Давойны Матей Клепацкий, служебники Сапежанки – Мартин Мордас и Мартин Николаевич³⁶. Таким образом, из документа

33 Vilnaus Universiteto Mokslo Bi-
bliotekos rankraščių skyrius, f. 72–1820;
LMABRS. F. 77–1819; AGAD, APR, sygn.
322, k. 179; AR, dz. 23, teka 147, plik 16,
k. 2–13, 14–29; teka 51, plik 1, k. 5–11, 21–
37, 63–66; *Lietuvos Metrika (1540–1543)*,
12-ji Teismų bylų knyga, I. Valikonitė,
N. Šlimienė, S. Viskantaitė-Saviščeviėnė,
L. Steponavičienė (parengė), Vilnius
2007, p. 68–74; R. Mienicki, *op.cit.*,
с. 438–441; T. Jaszczolt, *op.cit.*, с. 215–217,
237–239.

34 LMABRS, f. 3–112; T. Jaszczolt,
op.cit., с. 186.

35 AGAD, AR, dz. 1, sygn. 7441; T. Jasz-
czolt, *op.cit.*, с. 235.

36 AGAD, AR, dz. 1, sygn. 7736; До-
кумент был внесен в книги ново-
городского намесника и городни-
чего Григория Николаевича Горлы
5 февраля 1552 г., а впоследствии
в Метрику ВКЛ 6 марта 1558 г. а вы-
писка из Метрики получила Б. Соло-
мерецкая 17 июля 1582 г., но с печатью
и подписью Екатерины Тенчинской.
AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 1–15.

37 Подробней про усыновление см.: J. Bardach, *Adopcja w prawie Litewskim XV-XVI w.* [В:] *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego. XIV-XVII w.*, Warszawa 1970, с. 191–246.

38 Т. Jaszczolt, *op.cit.*, с. 245.

39 AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 17–67; teka 54, plik 10, k. 104.

40 AGAD, AR, Rękopisy biblioteczne, sygn. VIII-7, k. 223; Т. Jaszczolt, *op.cit.*, с. 237.

следует, что Давойна исполнил свои обязанности как приемный сын.

В первой половине и в середине XVI в. усыновление было распространенным явлением среди бездетных или тех, у кого не было сыновей. Обычно усыновленные получали 1/3 имущества, а на 2/3 записывались деньги³⁷. Это было связано с тем, что собственники не имели права распоряжаться всем своим имуществом. Такая возможность появилась только после земских реформ. Таким образом, С. Давойна принял на себя обязанности по досмотру за стариками и получил по ним имущество. Дополнительно в 1550 г. Давойна приобрел часть Вселюба у Войцеха, Миколая и Александра Щитов Немировичей³⁸.

После смерти Анны Сапезжанки С. Давойне вместе со второй женой Доротой Костевичевой пришлось выделить имущество родственникам. Имущество дяди Яна Пеньки (двор и местечко Ишкольд, Лысица, Лунин и Малый Луинец) приходилось на его сестер Софию и Анну. Часть Анны была разделена на три части между ее наследниками (о них см. далее). Две части пришлось Альжбете Гайковне, жене Андрея Подаревского, и ее сестре Анне, а третья – Анне Богдановне Любецкой, жене Миколая Харлинского, и племяннику Павлу Янушевичу Любецкому (1569). Миколай Харлинский за жену получил 281 волоки и отдельно на плебанском участке 30 валок. В 1570 г. Давойна подписал соглашение на обмен части в Ишкольди на имение Липа в Новгородском повете с Павлом Подаревским и его женой Анной Гайковной, Яном Яновичем Подаревским³⁹. Ранее, в 1541 г., Анна Немировна отказалась от своей части наследства по брату во владениях Вселюб, Тростенка, Лещанка, Морынь в пользу Давойны⁴⁰.

С. Давойна владел Ищольном, которое впоследствии перешло Б. Соломерецкой. Благодаря составленному списку документов, по которому она

с третьим мужем Ф. Лимонтом получила документы от канцлера ВКЛ Льва Сапеги (1592), можно частично реконструировать историю Ишчольно за XVI в. Упомянуты следующие документы: привилей великого князя литовского Александра Андрею Давойне на пергамене на латыни (1506)⁴¹, лист Сигизмунда Августа Станиславу Давойне на 5 волок и подданного в Ейшишской державе (15.06.1560), лист Сигизмунда Августа Станиславу Давойне на 5 оседлых волок в Ейшишской державе (Городно, 03.11.1562), лист Сигизмунда Августа Станиславу Давойне на имение Ягодичи и 10 оседлых валок в Василишской державе (04.11.1550), лист Сигизмунда Августа Станиславу Давойне на имения Перелом, Барти, Гребельники, 12 оседлых валок и несколько десятков застенков (20.09.1561), лист Сигизмунда Августа Станиславу Давойне на разрешение осадить местечко Ишчольно (30.05.1547), лист Сигизмунда Августа Станиславу Давойне на 8 служб навечно (10.12.1558), лист Григорию Воловичу с приказом передать С. Давойне 5 валок в Ейшишской державе (10.01.1563), покупка 1/3 Ляцка С. Давойном у Козича (28.08.1559), реестр грунтов С. Давойны, граничащих с грунтами каменецкого подкомория Иеронима Синявского имения Костеневичи (02.06.1565), продажа Андрушкевича С. Давойне части озер в Городенской пуще за 30 коп литовских грошей (30.03.1561), продажа Стеца Пашковича и Яхима Вирцевича С. Давойне гая, земля и сенокосов в Желудокской державе за 30 коп литовских грошей (04.06), продажа желудокского шляхтича Миколая Ляха С. Давойне имения Савичевщина (27.07), продажа Ивана и Ивашки Полиневцев Андрею Давойне земли в Ишчольне за 2,5 копы литовских грошей (15.06), продажа Юрия Мартиновича и Петра Манкевича А. Давойне земель, сенокоса и зарослей, продажа желудокских бояр Стаса и Матя Михновича два поля А. Давойне за пол четверти капы литовских грошей (25.06), лист на пергамене

⁴¹ Соответствующая запись зафиксирована в Метрике ВКЛ в 1506 г. *Lietuvos Metrika*, кн. 1 (1380–1584), *Užrašymų knyga 1*, A. Baliulis ir R. Firkovičius (parengė), Vilnius 1998, p. 84.

42 Про основание костела св. Троицы и Божьего Тела А. Давойной в Ищольно отмечено в Метрике ВКЛ за 1515 г. *Lietuvos Metrika*, кн. 1 (1380–1584), р. 83. Костел не сохранился. Сейчас там костел св. Троицы XVIII ст. С.Г. Багласаў, Л.Г. Лапцэвіч, *Ишчалнаўскі Тройцкі касцёл* [в:] *Архітэктура Беларусі. Энцыклапедычны даведнік*, Мінск 1993, с. 231.

43 LMA BRS, f. 16–53, l. 32–33.

44 Портрет П. Радзивилловны хранится в Музее Чарторыйских в Кракове. Гравюра с изображением П. Радзивилловны помещена в книге: Н. Leybowicz, *Icones Familiae Ducalis Radivilianae*, Nieśwież 1758, tab. 23.

45 М. Ferenc, *Mikołaj Radziwiłł „Rudy”. Działalność polityczna i wojskowa*, Kraków 2008, с. 48.

46 М. Michalewiczowa, *Radziwiłł Jan* [в:] PSB, t. XXX, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź 1987, с. 195.

47 AGAD, AR, dz. 11, sygn. 12, k. 36–42.

провизора виленского епископа об основании костела и плебании в Ищольно⁴². Все последние документы поданы без года, некоторые и без даты⁴³. Из перечня следует, что имуществом владел Андрей Давойна, а после оно перешло Станиславу, а он ее расширил через покупку.

На первой жене Петрухне (Петронелле) Радзивилловне Давойна женился в 1542 г.⁴⁴ Это был для него выгодный брак и политически, и финансово. Благодаря ему Давойна вошел в круг Радзивиллов и имел поддержку в карьере⁴⁵. В имущественном плане тоже были выгоды, ведь жена и ее сестры – Анна (1526–1600) и Альжбета – были последними наследницами по отцу Яну Радзивиллу, жемайтскому старосте⁴⁶. На сестер пришлась доля наследия по бабушке Альжбете Богдановне Саковичевне, жене Миколая Радзивилла, виленского воеводы и канцлера ВКЛ⁴⁷. В 1545 г., после смерти матери Анны Костевичевны, они окончательно разделили наследство отца – Гонендз, Райгород и Венгров. Альжбета за хорошее отношение к себе, помощь в делах, потраченные на ее нужды деньги записала на своей части мужу, каменецкому подкоморию, Иерониму Миколаевичу Сиявскому 10 000 коп литовских грошей. Они прожили вместе 10 лет, детей в браке не было. Поэтому все наследство переходило сестрам. Они могли получить имущество только после выплаты денег мужу (1558). Петронелла Радзивилловна после раздела имущества в 1545 г. за расходы на ее дела записала мужу 8000 коп литовских грошей на 2/3 имущества. Отдельно она дала запись мужу на 1/3 части имущества. Станислав Давойна составил завещание, в котором в пользу Сигизмунда Августа записал 1/3 своего имущества как условие выкупа из плена (1566). После освобождения из плена он изменил завещание. По смерти Петронеллы с С. Давойном судилась ее сестра Анна, жена витебского воеводы Станислава Петровича Кишки, из-за ее наследства (1562). Гонендз, Райгород

примыкали к Кнышинскому староству. Великий князь литовский Сигизмунд Август был заинтересован в их присоединении. Он пришел к соглашению с Анной относительно Гонендза и Райгорода. Она подарила ему все родительское наследство (1569)⁴⁸.

В 1542 г. С. Давойна становится полоцким воеводой. Должность, конечно, была сенаторская, но требовала много внимания на московском направлении⁴⁹. По сути, она была непосредственно связана с дипломатической деятельностью, так как постоянно приходилось регулировать отношения на приграничной территории. В 1553 г. воевода возглавил посольство ВКЛ в Москву. Также был в составе посольства в 1563 г.⁵⁰ После получения должности в Полоцком воеводстве имущественные интересы Давойны также связываются с этим регионом. В 1556 г. приобрел двор в Полоцке у шляхтича Костюшко Гридковича Юревского (см. приложение 1)⁵¹. На его территории находились светличка на подклети, камора и конюшня. Продан двор был за три копы литовских грошей. Находился он возле великокняжеского двора⁵².

Географическое положение Полоцкого воеводства заставило Давойну принимать непосредственное участие в Ливонской войне. В 1561 г. по просьбе полоцкого воеводы Сигизмунд Август разрешил нести службу при Полоцком замке вместо земской службы в Зельбурге его служебникам – Петру Кухмистровичу (6 коней), Федору Шуваку (4 коня), Михаилу Тугановскому (4 коня), Станиславу Езафовичу (2 коня), Яну Езафовичу (1 конь), Ивану Мисковичу (2 коня), Мартину Курчу (6 коней), Олехне Рогозе (4 коня), Рыковичу (4 коня), Станиславу (2 коня), Миколаю Щиту (3 коня), Миколаю Козицу (2 коня), Войцеху (1 конь), Андрею Селицкому (1 конь)⁵³. В 1563 г. оборона Полоцка от московских войск закончилась поражением. Давойна вместе с женой Петронеллой попал в плен. Она умерла в Московском княжестве. Ее тело Давойна хотел обменять на тело

48 AGAD, AR, dz. 11, sygn. 16, k. 14–20, 23–27; APR, sygn. 322, k. 11–13, 181; НГАБ, КМФ-18, спр. 261, арк. 13, 41 адв.–42; *Описание документов и бумаг хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции*, кн. 21, Москва 1915, с. 462; *Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów*, I. Kaniewska (oprac.), Kraków 1999, с. 565; R. Mienicki, *op.cit.*, с. 446–447, 472, 476; J. Maroszek, *Pogranicze Litwy i Korony w planach króla Zygmunta Augusta. Z historii dziejów realizacji myśli monarchicznej między Niemnem a Narwią*, Białystok 2000, с. 168–171.

49 И. Малиновский, *op.cit.*, с. 30–33; *Метрыка Вялікага...*, с. 147; *Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв.*, т. 2: «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг., Москва–Варшава 1997, с. 173–176; R. Mienicki, *op.cit.*, с. 442–446; M. Ferenc, *op.cit.*, с. 109–110, 171.

50 *Памятники истории Восточной Европы...*, с. 192–194, 236; R. Mienicki, *op.cit.*, с. 450–453; А. Янушкевич, *Першае дзесяцігоддзе дзейнасці Астафея Валовіча на дыпламатычнай арэне (1553–1562 гг.)* [в:] *Валовічы ў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XV–XVIII стст.*, Мінск 2014, с. 298–300; M. Ferenc, *op.cit.*, с. 182.

51 AGAD, APR, sygn. 323.

52 На основании ревизии 1552 г. известно, что на великокняжеском дворе были построены 6 домов, пивница, кузница, пекарня и баня. Это было место жительства полоцкого воеводы Станислава Давойны. На территории замка еще находилось 65 шляхетских домов, 21 церковный двор и 24 мещанских дворов. С какой стороны от двора, на какой улице был двор К. Юревского документ не отмечает. *Archiwum Komisji historycznej*, т. II, Kraków 1880, с. 183.

53 *Lietuvos metrika*, kn. 37: (1552–1561), *Užrašymų knyga* 37, D. Baronas (parengė), Vilnius 2011, p. 455–456.

54 AGAD, APR, sygn. 322, k. 154–164, 183; *Акты относящиеся к истории Западной России собранные и изданные археографическою комиссиею*, т. 3: 1544–1587, Санкт-Петербург 1848, с. 153; *Памятники истории Восточной Европы...*, с. 257; *Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów*, с. 426, 432, 433, 443; R. Mienicki, *op.cit.*, с. 458–474, 477–478; А. Янушкевич, *Захон Полацка маскоўскім войскам у 1563 г.*, «*Commentari Polocenses Historici*» 2005, т. 2, с. 5–12; M. Ferenc, *op.cit.*, с. 182, 195, 197, 216, 232, 247, 249–254, 320–321.

55 AGAD, APR, sygn. 322, k. 88, 95–112, 115, 119–120, 123.

56 *Herbarz Ignacego Kapicy Milewskiego (dopełnienie Niesieckiego)*, Kraków 1870, с. 350–351; J. Wolff, *op.cit.*, с. 121–123; R. Mienicki, *op.cit.*, с. 478.

Петра Шуйского. В 1567 г., когда воевода сам вышел из неволи, он смог заняться обменом. Но намерение не было реализовано⁵⁴.

В 1566 г. Сигизмунд Август приказал кричевскому и дисненскому державце и ротмистру Боркулабу Корсаку передать С. Давойне навечно владения в Полоцком воеводстве вместо утраченного имущества от московских войск: Куриловичи, Лошевичи, Ложки (Исложки), Парчаки, Павловичи, Твиртино, Угольники (Ухельники), Олисеевичи, Крынки⁵⁵. Документ свидетельствует о знакомстве Давойны с Корсаком, которым был тестем Богдана Соломерецкого. В будущем брак с Барбарой мог сложиться и через этот контакт. Но ее отец занимал посты на востоке ВКЛ и также мог иметь непосредственные контакты с Давойной.

После возвращения из плена Давойна заключил второй брак с Доротой Костевичевной, вдовой по князю Ярославу Головчинскому (1568). В первом браке Дорота родила трех сыновей Миколая, Щасного и Ярослава, а также дочерей. На момент второго брака она была довольно состоятельной женщиной. В 1569 г. родилась дочь Дорота, которая прожила только полгода. Узнав о смерти сына Миколая Дорота Костевичевна тяжело заболела и быстро умерла. 14 апреля 1571 г. вместе с сыном была похоронена в Бальверишках⁵⁶. Так Давойна снова потерял семью. На момент третьего брака он был уже в возрасте, пережил много испытаний, имел материальные трудности.

Довольно сложно определить в каких обстоятельствах был заключен третий брак Давойны с Б. Соломерецкой, как и с кем шли предварительные договоренности. Исходя из документов, свадьба состоялась в 1572 г., наверное, в Соломеречье. В 1571 г. Давойна и Соломерецкая потеряли супругов. В связи с этим должен был пройти период траура. Особенно это касалось вдовы. Она имела право пойти замуж

только через шесть месяцев и неделю после смерти мужа (Статут 1566 г., разд. 5, ст. 12)⁵⁷. Для Барбары это имело важное значение по причине беременности. По закону, она имела право выходить замуж уже в ноябре. На сколько был выгоден брак Соломерецким трудно сказать. Полоцкий воевода, хотя имел статус и связи в правящих кругах, но уже был в возрасте, и его влияние было не таким сильным. К тому же плен подорвал его финансовое состояние. Для Давойны Соломерецкая могла представлять интерес как молодая женщина из княжеского рода, которая могла родить потомков. Разница в возрасте между ними была не менее 30 лет. Если предполагать, что первый раз Давойна женился в возрасте около 25 лет, а Барбара могла выйти первый раз замуж около 20 лет.

Отдельно стоит обратить внимание на записи С. Давойны жене. 9 ноября 1572 г., в Соломеречье, был составлен долговой лист, который был вписан в книги Менского гродского суда в тот же день. Его передал Г. Горностаи. Долговая запись на 10 000 коп была на имениях Вселюб с фольварком Лещанка и селом Морино (относилось к Вселюбу, а находилась в Ошмянском повете), Лысица, Лунин и Лунинец (Новгородский повет), дворы Долятичи (Ошмянский повет), Ишкольдь (Новгородский повет). Вселюб включал части Андрея Гастомского и его жены Барбары Лукашевы, Анны Немировой (были получены от них на вечное владение), Раины Носиловской, жены Юрия Зеновича, и Щитов. При этом уже были отданы в долг в Ишкольди дворец Лысица в суме 800 коп Бенедикту Протасовичу и плебания в Ишкольди служебнику Станиславу Романовичу в суме 300 коп. Подписали документ Доминик Пац, князь Якуб Александрович Свирский и Каленицкий Тышкевич⁵⁸.

Однако на следующий день, 10 ноября 1572 г., в Соломеречье был составлен документ с несколькими содержаниями. Это был также оригинал с 4-мя

57 Н. Сліж, *Шлюбныя і пазашлюбныя стасункі шляхты ВКЛ у XVI–XVII стст.*, Смаленск 2015, с. 71–72.

58 Документ без начала. AGAD, APR, sygn. 322, k. 154–164, 168–170.

печатью. Долговой лист С. Давойны на 10 000 коп литовских грошей Б. Соломерецкой был сделан под заклад Вселюба с местечком, плембанией и костелом, с фольварком Лещанка и селом Морино, Долятычами. Ишכולдь не упоминалась. По причине отсутствия возможности внести документ в судебные книги, он был передан менскому воеводе Гавриле Горностаю для записи в менский суд. Свидетелями были смоленский каштелян Доминик Пац, князь Якуб Александрович Свирский, ротмистр киевского замка Ян Стужинский. Этот документ был вписан в книги Новгородского гродского суда 24 ноября 1572 г. Подал сам С. Давойна. 15 марта 1573 г. в Тростенице при свидетелях Федоре Костюшко Сехновицком и Аникею Гавриловиче Еленском, шляхтичах Берестейского повета Давойна вновь подтвердил предыдущую запись⁵⁹.

Ситуация с этими долговыми записями выглядит не совсем понятно. Зачем было составлять два документа и для какой цели они записывались в разные суды? При чем в двух документах отмечено, что Давойно лично не мог стать перед судом для внесения и передавал их Г. Горностаю. Все происходило в Соломеречье, вероятно после брака. Через год долговая запись была подтверждена в Тростенице. Однако наличие у Б. Соломерецкой 10 000 коп также вызывает некоторое сомнение. Она держала только Тростеницу, которая не могла давать такой доход. Такая ситуация с документами наводит на мысль о фальсификации. Об этом позже писал Гаврила Горностаи (см. далее). Причем это касалось и дарственных записей.

В Соломеречье 9 ноября 1572 г. была написана дарственная запись Соломярецкой от Давойны на Ишכולно. В нем также отмечалось, что в связи с дальним расстоянием до судов запись была засвидетельствована перед Г. Горностаем. Свидетелями были смоленский каштелян Д. Пац, господарский

маршалок К. Тышкевич, дворянин Я. Свирский. Документ был записан в Новгородском городском суде, а затем в Лидском земском суде (1575). После смерти мужа Б. Соломерецкая сделала для себя дополнительные гарантии и внесла дарственную запись в Метрику ВКЛ, о чем свидетельствует соответствующая выписка (1580)⁶⁰.

10 ноября 1572 г. в Соломеречье Станислав Давойна за хорошее к себя отношение написал дарственный запись жене на Ишкольд, Лысицу, Лунин и Луинец и передал Горностаю для внесения в Менский суд. Документ закреплен 4-мя печатями. Свидетелями были Д. Пац, Я. Свирский и Я. Служинский. Запись в Новгородский земский суд была сделана 10 января 1575 г. Б. Соломерецкая передала документ через слугу Лукаша Григоревича. В нем отмечалось о прежней записи, 24 ноября 1572 г., С. Давойном в Новгородский городский суд⁶¹.

17 ноября 1572 г. при свидетелях Петре Глебовиче Полонском, троцком ключнике и подключнике, горноденским войском Бенедикте Протасовиче, Иване Ивановиче Кмите Березовецким в Ишкольди была написана дарственная запись С. Давойны жене Б. Соломерецкой на села Куриловичи, Конюшки, Олисевиичи, Исложки, Павловичи, Угольники, Твиртино, Крынки. 24 ноября документ был внесен в Новгородский городский суд. А 30 ноября 1572 г. по реестру Б. Соломерецкая передала на сохранение все документы Г. Горностаю. В 1579 г. по жалобе Б. Соломерецкой С. Баторий приказал Горностаю вернуть все документы⁶².

Б. Соломерецкая еще хотела внести в Полоцкие земские книги дарственную запись на села в Полоцком воеводстве, которая была уже вписана в Новгородские городские книги. О чем она просила Боркулаба Корсака. Но в своем письме от 7 июля 1574 г. он написал о невозможности это сделать. Подсудка не было уже как два года, так как предыдущий умер

⁶⁰ AGAD, APR, sygn. 322, k. 141–144; НГАБ, КМФ-18, спр. 65, арк. 51–52 адв.

⁶¹ Оригинал, с подписью Давойны. AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 75–81.

⁶² AGAD, APR, sygn. 322, k. 147–149, 179–184, 191–192, 372–376, 520–526.

63 AGAD, APR, sygn. 322, k. 272–273; А. Радаман, *Полацкі земскі суд ў другой палове XVI – першай трэці XVII стст.* [в:] *Гісторыя і археалогія Полацкі і Полацкай зямлі: Матэрыялы IV міжнароднай навуковай канферэнцыі*, Полацк 2003, с. 221.

64 AGAD, AR, dz. 23, teka 51, plik 1, k. 144–148.

65 Документ сохранился в двух экземплярах. AGAD, AR, dz. 23, teka 147, plik 16, k. 40–41; APR, sygn. 322, k. 204–205.

по дороге из Варшавы, а без монарха на должность другое лицо нельзя было утвердить. Поэтому запись была передана для внесения в городские книги Дисненского староства, а выписка была отправлена Соломерецкой⁶³. В Полоцкий городский суд документ был записан 5 июля 1574 г. В нем было отмечено об отсутствии земского урядника как причина вписания документа в книги⁶⁴.

В рассматриваемом контексте не менее интересная выписка из берестейских городских книг от 22 апреля 1573 г. Было внесено свидетельство берестейского возного Тимофея Василевича Кручевского. Он был вызван в Тростеницу к С. Давойне 8 апреля 1573 г. По причине болезни последний не смог сам подать документы в суд и поэтому передал их через возного. Среди них: 1) лист от 5 марта и 19 апреля 1573 г., долговой запись жене Вселюба на суму 20 000 коп (в 1572 г. было 10 000, сумма увеличилась за счет займа М. Радзивиллу); 2) лист от 12 апреля 1573 г. на долг жены на 3700 коп под Деники Будневские (Менский повет), Дедковичи (Слонимский повет) и двор в Вильне, находившийся возле двора земского подскарбия Миколая Нарушевича; 3) дарственная запись жене на фольварк Бердовка от 4 апреля 1573 г. с правом выкупить у своего служебника Валериана Вольского, Бердовка была заложена в суме 500 коп; 4) дарственная запись на фольварк Гирдовка от 4 апреля 1573 г., который был заложен в суме 400 коп служебнику Яну Петровскому Изовскому Копачу; 5) дарственная запись на 8 валок в селе Кривчево и застенки Пустовский Подкремушевичи от 3 апреля 1573 г., который ранее держал служебник Беньяш Жданович «до воли» Давойны; 6) дарственная запись от 4 апреля 1573 г. на фольварк Кривоноги, который был в заставе у служебника Ждана Левоневича в суме 400 коп; 7) дарственная запись на две части имения Изва (Новгородский повет) и две части «данников русских» при Борках и селе Корытницы⁶⁵. Данные

источники приводят еще дополнительную информацию о служебниках С. Давойны. Среди них были Станислав Романович, Ждан Левоневич, Беньш Жданович (вероятно писарь), Ян Петровский Изовский Копач, Валерьян Вольский, Адам Вендраховский.

Упомянутые документы сохранились в оригиналах, кроме листа на Гирдовку. Все они были написаны в Тростенице, закреплены печатью и подписью воеводы. Также были печати, но не было подписей, тех же свидетелей Федора Костюшко Сехновицкого, Богдана Черневского, Аникея Гавриловича Ельского. Запись на Изву была сделана 4 апреля в Тростенице. Но в документе не упоминается, что имущество было заложено служебнику Адаму Вендраховскому в суме 610 коп в 1569 г.⁶⁶ Таким образом, в 1573 г. заново оформляется долговая запись на Вселюб, а также дарятся имения, которые ранее были во владении служебников или в заставе. Почему через год стало актуально новое оформление документов? В судебной практике ВКЛ подобные документы составлялись один раз и вносились в суды. Заемные записи отменялись после выплаты долгов. Обычно новые документы составлялись при каких-то существенных изменениях обстоятельств.

Таким образом, через долговые и дарственные записи все имущество Давойны перешло к жене, причем сразу после брака. Это не были записи на пожизненное пользование, или на какую-то часть. При хороших отношениях шляхтичи дарили женам часть своих владений. Чаще это происходило после определенного периода совместного проживания. Между Давойном и Соломерецкой была существенная разница в возрасте. Возможно, молодая женщина так подействовала на воеводу, что он записал ей все имущество. Гаврила Гарностаи объясняет это тем, что Соломерецкая опоила и обманула Давойну (см. далее).

Кроме долгов жене у воеводы были другие займы. Он вместе со Станиславом Петровичем Кишко

⁶⁶ AGAD, AR, dz. 23, teka 147, plik 16, k. 43, 104–105, 135–145, 147–150.

67 AGAD, AR, dz. 10, sygn. 402, k. 8–8v; APR, sygn. 324, k. 79–82.

68 AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 69–74; APR, sygn. 322, k. 194–195, 199.

69 AGAD, APR, sygn. 324, k. 8, 9, 12, 14–15, 20–24.

одолжил у Миколая Яновича Радзивилла 665 коп (1544). Михаил Францквич свидетельствовал о невозврате долга С. Давошной, взятого у его отца еще в 1569 г.⁶⁷ После возвращения из плена финансовая ситуация Давошной ухудшилась. Он одолжил в 1570 г. 16 000 коп литовских грошей у виленского воеводы и канцлера ВКЛ Миколая Юрьевича Радзивилла под залог имений Вселюб, Лещанка, Ишкольд, Лунин, Лунинец. В записи дополнительно отмечалось, что с детства Радзивилл хорошо относился к Давошне и помогал во всех делах. Он дал деньги на освобождение из московского плена, оплатил займы, одолжил деньги для выезда на сеймы. Давошна обязался все вернуть в 1572 г. Однако в назначенный срок деньги не были выплачены. К тому же Давошна просил о возможности выплаты частями, а позже одолжил еще 4000 коп⁶⁸. Получилось, что имения Давошной были заложены дважды. Первичное право получить сатисфакцию имел Радзивилл.

В сумме 3000 коп С. Давошна заставил имение Болотное в Лидском повете князьям Ярославу и Щчасному Ярославовичем Головчинским. После брака с Б. Соломерецкой он был подарен жене. Ярослав купил часть имения у брата и держал его до передачи денег от Б. Соломерецкой через Г. Горностаю (1575). Позже она записала Горностаю 3000 коп на этом имени (1578)⁶⁹.

Причины конфликта между супругами точно установить довольно сложно. Но очевидно, что Б. Соломерецкая руководствовалась имущественными интересами и желала обеспечить себя за счет воеводы. Как следует из предыдущих документов, на Соломерецкую были оформлены долговые и дарственные записи. Все это происходило в 1572–1573 гг. Конфликт мог начаться во второй половине 1573 г.

Соглашение от 14 мая 1574 г. представляет события со стороны С. Давошной. В нем перечисляются преступления Б. Соломерецкой (см. приложение 2).

Она подняла руку на мужа, травила его напитками и едой, сговорила со слугами и забрала привилеи, листы, пустые бланки, один с печатью воеводы, также взяла с собой золото, серебро и вещи. По слухам на этих документах Б. Соломерецкая сделала записи на большие суммы (10 000 коп литовских грошей на Вселюбе), записала имения мужа на родственника берестейского воеводу Г. Горностая. Помогал ей в этих делах писарь воеводы Беняш. Вероятно, здесь упоминается служебник Беняш Жданович. Вместе с Соломерецкой еще сбежал слуга Давойный Дышло. Так как, произошли нарушения с точки зрения светского и духовного права, воевода подал на нее жалобы в светские суды (Менские гродский и земский суды) и в духовный суд виленскому епископу Валериану Протасовичу. В духовный суд Барбара не явилась. По каноническому праву жена не могла самовольно оставлять мужа. Поэтому жалоба епископу была правомерной. На практике встречаются отъезды жен от мужей, но как правило это было связано с внутрисемейными конфликтами или применением насилия против женщины. Перечень преступлений Соломерецкой был достаточен для развода. С точки зрения светского права Соломерецкой и Горностаю грозила смертная казнь за фальсификацию документов (Статут 1566, разд. 1, ст. 12). Давойна, несмотря на возраст, продолжал сохранять влияние в ВКЛ. Поэтому Соломерецким и Горностоям пришлось использовать все возможности, чтобы прийти к соглашению. В перемирии сыграли свою роль виленский воевода Миколай Радзивилл и киевский епископ Миколай Пац. Однако в самом документе еще есть интересное объяснение причины, по которой Давойна пошел на соглашение: просьбы жены и ее друзей, признание ею вины, христианское милосердие Давойны, а также жена женщина (!), а не мужчина, и воевать с ней неприлично, можно простить ее слабость. В соглашении воевода прописал

⁷⁰ Документ является копией, без печатей. AGAD, APR, sygn. 324, k. 1–3.

⁷¹ Н. Сліж, *Як вярнуць збеглую жонку: прыгоды з жыцця Ульяны Гарнастаевай з роду Багавіцінавічаў (?–1575)*, «Homo historicus» 2008, № 1, с. 78–91; *eadem*, *Шлюбныя і пазашлюбныя...*, с. 449–474.

⁷² В Вильно 23 января 1573 г. была встреча. AGAD, APR, sygn. 322, k. 207; sygn. 324, k. 56–58.

следующие условия. Соломерецкая должна приехать в Новогородок через 12 недель со свидетелями, вернуть листы и привилеи, показать их примирителям, вернуть слугу. Примирители должны будут изучить документы. При соблюдении всех условий против Соломерецкой и Горностаю предполагалось прекратить дело. Документ подписали смоленский каштелян Доминик Пац, господарский маршалок Каленицкий Василевич Тышкевич, господарский дворянин Якуб Александрович Свирский⁷⁰. Заметим, что этот состав свидетелей фигурировал в прежних документах. Константин Тышкевич был связан с семьей Соломерецких через брак с Барбарой Василевной Соломерецкой. Вероятно он здесь представлял их сторону. Стоит отметить, случай был действительно скандальным. Конфликты также случались в то время в семьях⁷¹, но это исключение, когда конфликт дошел до канцлера ВКЛ.

То, что до соглашения велись предварительные встречи и переговоры свидетельствует переписка. Киевский митрополит Миколай Пац написал с Новогородка 9 марта 1574 г. письмо Г. Горностаю, что по делу Соломерецкой отправил письмо полоцкому воеводе и получил ответ. Он был передан через Лукаша Осташинского. В письме без даты Богдан Соломерецкий писал по делу сестры, вероятно, виленскому епископу. К адресату была претензия, что при вызове в духовный суд к Барбаре использовали неправильное обращение, чем оскорбили ее достоинство. Поэтому настаивали, чтобы писари почтительно написали ее титулатуру. Дополнительно было высказано обвинение относительно полоцкого воеводы в несоответствующем содержании жены: она вынуждена была скитаться по чужим углам и хлеба просить, в нужде жить⁷². В ВКЛ неправильное обращение в официальном документе была причиной для неявки в суд.

В этой ситуации Б. Соломерецкая передала право вести дела с мужем Г. Горностаю, так как «в том

нещастю моемъ яко малжонакъ мой сам такъ и приятеле его млсти и многие люди насадилисе на маетность мою дивными фортелми хотечи мене зсадит з нее которую ж сам мне з доброты своей был первой записал пан Станиславъ Давойна воевода полоцки малжонакъ мой, а иж не тыле з маетности, але и до доброе славы моее торгаются». Так же его уполномочила представлять интересы в процессах с князем Павлом Янушевичем Любецким, родственником мужа, из-за наследства по А. Сапежанке, с Миколаем Харлинским и с другими лицами. Она обязывалась заплатить за судебные издержки, а Горностаю получал право на управление ее имуществом (10 августа 1574 г.). В следующем письме без даты отмечалось, что Г. Горностаю за свой счет вел переговоры с М. Радзивиллом и ее мужем. Соломерецкая обязалась самостоятельно не подписывать документы и не препятствовать Горностаю в делах⁷³.

Заметим, что на то время еще был жив отец и брат Барбары. Но никто из близких родственников в официальных документах не фигурировал. Семью представлял только Г. Горностаю, но до тех пор, пока его самого не обвинили. После этого рядом с Соломерецкой был только Филипп Лимонт. Такая ситуация могла сложиться, когда у Барбары был конфликт с семьей. Честь рода и семьи имело важное значение для знати. Семья могла отказаться от защиты своего представителя или представительницы, чтобы еще больше не уронить свою репутацию.

Отсутствие судебных книг не дает возможность проверить все обвинения Давойны. Например, доказать факт отравления, если жертва осталась живо не так просто. Экспертизы тогда не существовало. В общем, этот вид преступления считается женским. Но в жалобе Давойны перечислялись избиения, фальсификации и др. Что должно было спровоцировать проведение возными следственных мероприятий как опрос свидетелей, свидетельство о побоях и др.

Со стороны полоцкого воеводы приводились конкретные факты преступлений, а Б. Соломерецкая апеллировала только к унижению ее чести и к имущественным претензиям.

Б. Соломерецкая, чтобы вовлечь в сферу своих интересов Г. Горностая, подарила ему свои имения, которыми он имел возможность пользоваться после ее смерти. 21 января 1574 г. была запись на имение Вселюб с фольварками Долятичи и Лещанка, Ишкольдъ с местечком и фольварком Лысицы, Лунин и Луинец, Ишчольно, Болотное с местечком и фольварком Осово (Лидский повет), Швинтяны (Ошмянский повет), Куриловичи, Лошевичи, Ложки, Конюшки, Павловичи, Твиртино, Угольники, Олисеевичи, Крынки (Полоцкий повет). Документ был внесен в Новгородские и Волковысские книги. Он был подтвержден 23 декабря в Тростенице, а 27 декабря записан в книги Берестейского замкового суда. В документе отмечалось, что дела с М. Радзивиллом по соглашению не решены, а в назначенный срок канцлер не явился. Вторая дарственная запись Горностаю была от 21 января 1574 г. на владения, которые Соломерецкая получила после первого мужа, – Берестовица, Клепачи, Тростеница. В книги Берестейского замкового суда документ был записан 27 декабря. Однако Соломерецкая 2 ноября 1575 г. составляет соглашение, по которому просит возвращения имений, а также документов на них. При этом Г. Горностай одолжил 1000 коп литовских грошей под села Данники, Великий Лунин, Лихосельцы и Тивуновичи у новгородского шляхтича Войны Богушевича Ясенского и его жены Людмилы Юхновны Иванкевичевны (9 ноября 1575 г.). Война Ясенский свидетельствовал о получении денег от Соломерецкой 29 сентября 1577 г. перед Новгородским городским судом. Кроме того, отдельным листом Соломерецкая свидетельствовала, что сама поручала Горностаю одолжить деньги у Ясенского (1577)⁷⁴.

Две стороны приходят к соглашениям, так как Давойне нужно было решить вопрос со своими именьями и уладить ситуацию с долгами М. Радзивиллу, а Соломерецкой и Горностаю нужно было избежать наказаний. Канцлер ВКЛ М. Радзивилл становится здесь заинтересованным лицом, а в период межкорольевья главным лицом, которое может разрешить конфликт. А проблема заключалась в том, что Давойна записал долги Н. Радзивиллу и дарственные и долговые записи жене на одних и тех же именьях (см. выше), создав конфликт интересов. При этом долговую запись на 10 000 коп на Вселюбе он признал. А значит, сознательно сделал две записи двум лицам на большие суммы.

Об участии Б. Соломерецкой в разрешении конфликта свидетельствуют ее письма. В документе без даты отмечалось, что она готова к соглашению с виленским воеводой М. Радзивиллом о именьях Вселюб, Ишкольд, Лунин и Луинец. В январе 1574 г. (день не указан), она свидетельствовала о готовности передать ему именья. 13 мая Радзивилл и Горностай согласились отменить протестации⁷⁵.

Результаты соглашения видны в следующем письме Б. Соломерецкой. В связи с займом под заклад Вселюба М. Радзивиллу она отказывается от долговой записи на 20 000 коп литовских грошей. А за это получила в вечное владение Ишкольд, Лунин и Луинец, Ищольно с фольварками Волчин и Сасин, Болотное, Швинтяны, Куриловичи. В качестве причины отмечен долг на имении 16 000 коп М. Радзивиллу, который последний стал требовать. А отдавать деньги было нечем. Документ был составлен в присутствии земского подскарбия Миколая Нарушевича, земского маршалка Яна Яновича Волменского, писаря ВКЛ Агрипы Венцлавовича в Вильне 27 сентября 1574 г., а записан в книги Берестейского староства 11 октября. В свою очередь за это С. Давойна написал дарственную навечно на именьях Ишкольд

76 AGAD, APR, sygn. 322, k. 251–261, 265–267; AR, dz. XXIII, teka 51, plik 1, k. 1, 157–170, 188–193, 198–200.

с фольварками, Ишчольно, Болотное, Швинтяны, села Куриловичи, Павловичи, Олисевич, Конюшки, Истложки, Угольники, Твертино, Крынки. 3 октября 1574 г. М. Радзивилл в присутствии тех же свидетелей свидетельствовал о получении Вселюба за долг⁷⁶.

В этом соглашении вызывает интерес дарение Да-войном всех имений Соломерецкой после всех обвинений. Он мог передать только какую-то часть как компенсацию или вообще оставить себе владения. Также он мог апеллировать к тому, что документы были составлены не по доброй воле (Статут 1566, разд. 7, ст. 9). Соответственно это дало бы возможность отменить все предыдущие документы.

Однако дело длилось еще 1575 и 1576 гг. М. Радзивилл обязался передать Соломерецкой имения по договору 9 мая 1575 г. В Вильно 3 июля 1576 г. он отмечал, что пришли к согласию на счет имений и обязался больше не вызывать в суд Соломерецкую. При соглашении были полоцкий кашталян Юрий Зенович, гетман польный ВКЛ Криштоф Радзивилл, жемойтский войский Войцех Шемет, слонимский подкоморий Станислав Нарбут. В этот день было дано письмо Соломерецкой. В результате Радзивилл уступил свое право на Ишчольно и Куриловичи, а записи на Ишкольди, Лунину, Лунинецу были перенесены на Вселюб, Лещанку, Долятичи. Соглашение было записано в книги Новгородского земского суда и Троцкого гродского суда. Но 23 августа поступило заявление от Н. Радзивилла, что Соломерецкая не выполнила обязательство представить все судебные документы, которые подавала на него, и отменить все записи. В итоге она попадала под обязанность выплатить залог в сумме 12 000 коп. Виленский епископ Валерьян Протасович, полоцкий воевода Миколай Дорогастайский, подскарбий ВКЛ Лаврин Война свидетельствовали, что по соглашению Б. Соломерецкая обязалась отменить все жалобы в суд Радзивиллу на Св. Бартоломея, 24 августа 1576 г., но она не

выполнила обещание (26 сентября 1576 г.). Однако через год ситуация не изменилась. Лист от виленского епископа Валерьяна Протасовача, менского воеводы Миколая Сапеги, полоцкого каштеляна Матея Савицкого, менского каштеляна Яна Глебовича, земского подскарбия Лаврина Войны, маршалка дворного Миколая Криштофа Радзивилла свидетельствовал о невыполнении соглашения Соломерецкой и обязанности заплатить залог М. Радзивиллу (1577)⁷⁷.

Однозначно трудно сказать, связан ли следующий документ с конфликтом. Но 3 июля 1576 г. в Вильно Соломерецкая оформила дарственную М. Радзивиллу на две части имения Изви в Новгородском поеве-те и две части данников, которые держал служебник мужа Адам Вендриховский. Она перед дарением выкупила у служебника имение⁷⁸.

Таким образом, у Б. Соломерецкой второй брак был короткий, около трех лет, но «яркий». Оставил много документов. Не каждая пара имеет столько источников за всю жизнь. Они показывают, что между супругами сложились сложные отношения. А конфликт между ними имел резонанс в их среде. В свете представленных сведений в документах не приходится называть Б. Соломерецкую жертвой, которую несоразмерно обвинили. Она воспользовалась возрастом Давойны, его слабым здоровьем для своих целей. Если бы не были затронуты финансовые интересы Радзивилла, то ситуация для нее могла бы закончиться еще легче.

Смерть Полоцкого воеводы и имущественные дела Соломерецкой

Смерть Полоцкого воеводы была не менее приключенческой, чем последние годы его жизни. Умер он до 29 июня 1575 г. О его смерти упоминает в своем письме виленский воевода Н. Радзивилл, а также о намерении похоронить тело Давойны в Ишчольно⁷⁹.

77 AGAD, APR, sygn. 322, k. 305–306, 348–350, 354–357, 364–368; AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 114–120, 120–127, 129–134, 140–158, 164–165; teka 147, plik 16, k. 81–82; teka 54, plik 10, k. 68.

78 AGAD, AR, dz. 23, teka 51, plik 1, k. 206–211.

79 AGAD, APR, sygn. 322, k. 336–339.

⁸⁰ Содержание листа не приводится в документе. Но упоминание о нем означало, что родственники подавали жалобу на действия Радзивилла.

Однако похороны состоялись только в 1577 г. Интересные обстоятельства события представляет свидетельство возного Ошмянского повета Лаврина Миколаевича Войденя от 8 мая, которое было написано во Вселюбе и записано в Ошмянские городские книги. 5 мая 1577 г., в воскресенье, во Вселюбе, который тогда был в держании М. Радзивилла, собрались родственники Давойны для похорон: маршалак ВКЛ, новгородский земский судья, куренецкий державца Мельхер Сигизмундович Сновский Гравжа и его жена Барбара Яновна Ключковна, городенский войский и королевский ротмистр Григорий Война, Миколай Харлинский и его жена, княгиня Анна Богдановна Любецкая, князь Павел Янушевич Любецкий, жена Андрея Подаревского – Анна Давойнянка, жена новгородского хоружия Павла Подаревского – Анна Гайковна. Однако похороны были перенесены на 8 мая, на среду, поэтому родственники не разъезжались. В назначенный день, утром, упомянутые лица через королевского дворянина Герасима Левковича в присутствии Л. Войденя, волковысского возного Станислава Страчи, новгородского возного Яна Раецкого подали виленскому воеводе письмо монарха, написанное по их жалобе, чтобы он выдал тело Давойное для захоронения и отдал им его имения. Миколай Радзивилл сверил письмо с оригиналом, прочитал его. Родственники были недовольны переносами похорон. Первоначально оно было назначено в Ищольне после Пасхи, впоследствии перенесено на 5 мая, а затем на 8 мая во Вселюбе. Родственники требовали выполнения распоряжения монарха⁸⁰. Воевода подчеркнул свое почтительное отношение к документу, но сказал, что тело не вернет, а похороны состоятся сегодня во Вселюбе, в присутствии Б. Соломерецкой. Относительно документов Давойны он был готов в любой момент явиться в суд, также утверждал, что вреда владениям Давойны не было нанесено. При этом Радзивилл был не против

присутствия родственников на похоронах. От имени родственников Сновский спросил о печати полоцкого воеводы. По словам Радзивилла она была как полторы года запечатана. На похоронах ее собирались сбить и герб сломать. В этой ситуации родственники не видели смысла применять силу и ушли (см. приложение 3)⁸¹. Вероятно, они присутствовали на похоронах. Однако обеспокоенность родственников была понятной. После захоронения тела, должен был произойти раздел имущества. Но Радзивиллу и Соломерецкой нужно было время, чтобы привести документы в выгодное для себя состояние. Поэтому понадобился такой долгий период для захоронения. После смерти С. Давойны был составлен реестр его документов. Они хранились у князей Щастного и Ярослава Ярославовичей Головчинских, детей второй жены, в Бальверишках⁸². Значительная часть этих документов вошла в состав архива Радзивиллов.

Упомянутые на похоронах лица приходились родственниками С. Давойне по отцовской и материнской линиям. Ян Янович Давойна первый раз женился на Анне Михновной Головачевне. У них родились Миколай, который умер бездетным, и Марина. Она вышла замуж за Яна Михновича Ключку Подаревского. У них были дети Матей и Барбара. Второй раз Я. Давойна женился на Анне Петровне Немировичевне. Она приходилась тетей С. Давойне, соответственно ее дети – племянниками. Во втором браке родились дочери Анна, София и Екатерина. София вышла замуж за князя Богдана Любецкого, Екатерина – за Яна Гайко, Анна – за Станислава Подаревского. А претендовали на наследство их потомки: М. Сновский Гравжа и его жена Барбара Яновна Ключковна, муж ее сестры Г. Война, Миколай Харлинский и его жена, княгиня Анна Богдановна Любецкая, князь Павел Янушевич Любецкий, жена Андрея Подаревского – Анна Давойнянка, жена новгородского хоружия Павла Подаревского – Анна Гайковна⁸³.

81 Документ был выявлен белорусским исследователем Андреем Радоманом. AGAD, AR, dz. 23, teka 147, plik 16, k. 98–102.

82 Документ без даты. AGAD, AR, dz. 23, teka 54, plik 10, k. 16–35.

83 *Ibidem*, k. 104, 107–109, 113, 122, 126, 128–130, 132; Н. Сліж, *Шлюбныя і назаілюбныя...*, с. 385; J. Wolff, *op.cit.*, с. 209; R. Mienicki, *op.cit.*, с. 418–420; В. Насевіч, *У складзе Вялікага княства Літоўскага* [в:] *Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Лунінецкага р-на*, Мінск 1995, с. 29–45; T. Jaszczolt, *op.cit.*, с. 236–237 (автор ошибочно считает, что Ян Давойна был женат один раз).

84 AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 258–260; НГАБ, КМФ-18, спр. 278, арк. 60–61 адв.

85 AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 160–163, 177–179, 189–190; Я.С. Глінскі, *Князі Друцкія-Любецкія ў канцы XVI–XVII ст.: радавод, маёмаснае становішча, грамадска-палітычная дзейнасць*, «Архіварыус» 2016, вып. 14, с. 331.

86 AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 167–175, 181–187.

Дело с родственниками не закончилось после похорон. В Метрику ВКЛ был записан лист Павла Янушевича Друцкого Любецкого. Он унаследовал после Анны Сапеженки и дяди С. Давойны половину шестой части Ишкольди, Лысицы, Великого Лунина, Малово Лунина, составлявшей 11 валок. Павел передал их в пользу Соломерецкой (1586)⁸⁴.

Кроме того, служебник Давойны Станислав Романович женился на Екатерине, дочери новгородского хоружего Павла Подаревского и Анны Павловны Гайковны. На то время он держал в закладе от воеводы Ишкольдскую плебанию с данниками в Лунине в сумме 300 коп литовских грошей. За внесенное приданое супруга получила запись на эти деньги (10 июня 1577 г.). У служебника не было другой недвижимости. Кроме того, эта запись свидетельствует, что плебания не была еще выкуплена. Это владение у Екатерины выкупила Б. Соломерецкая в 1580 г.⁸⁵

Станислав Давойна одолжил у новгородского хоружия Павла Подаревского 200 коп литовских грошей под заклад бояр из Ишкольди и 1000 коп под Лысицу. Деньги выплатила Б. Соломерецкая его жене Анне Павловне Гайковне и сыну Миколаю в 1578 г. – 200 коп, в 1580 г. – 1000 коп⁸⁶.

Барбара Соломерецкая выкупила небольшие части, входившие в состав Ишкольди, но при этом одолжила у Екатерины Тенчинской, жены Юрия Олельковича Слуцкого, 6000 коп на Ишкольди с плебанией, фольварком Лысица в 1579 г., после 2000 коп в 1580 г. под то же имущество. В тот же год взяла еще 1000 коп и таким образом продала за 9000 коп. При этом Екатерина гарантировала Соломерецкой возможность выкупить обратно владения до 2 февраля 1588 г. Служебник Соломерецкой Василий Букраба передал документы на Ишкольд Тенчинской в 1582 г. Среди них были листы Давойне Яна Петровича Немировича, его жены Анны Сапеженки, листы С. Давойны Барбаре и др. В этом же году Екатерина записала второму

мужу, подканцлеру ВКЛ Криштофу Радзивиллу навечно Ишкольд и Лысицу за хорошее к себе отношение. Он впоследствии рассчитывался за долги предыдущих владельцев. Часть земли в Ишкольди была отдана в заклад в сумме 125 коп Мартину Мордасовичу. Деньги получили уже его сыновья Матис и Миколай в 1588 г. Соломерецкая одолжила под землю в Лысицах 40 коп у Матиса. Деньги тоже вернул К. Радзивилл⁸⁷. Соломерецкая и ее потомки не смогли выкупить владение, и оно осталось у Радзивиллов. В своем письме от 4 ноября 1587 г. виленскому воеводе Криштофу Радзивиллу Барбара писала о финансовых проблемах и невозможности выплатить деньги вовремя. При этом напоминала, что его отцу она уступила 20 000 коп и ничего за это не просила⁸⁸.

Таким образом, часть владений Давойны перешла к Радзивиллам. Соответственно это вызвало претензии к ним со стороны потомков рода Давойнов. Судебный процесс имел место еще в XVII в. О чем свидетельствуют генеалогические заметки о наследниках и реестре документов⁸⁹.

В период вдовства Барбара Соломерецкая продала блонскому старосте Каспару Кладинскому Крупелевскую землю в имении Ишчольно (Лидский повет) за 200 коп литовских грошей (1580)⁹⁰.

Соломерецкая фугурировала в судебных книгах Берестейского гродского суда. Стефан Якимович подал жалобу за захват ее тростенецким урядником Федором земель и нарушение границ (1577). В этом же году Б. Соломерецкая вызывалась в суд за неуплату десятины с имения Тростеница. На нее жаловался подданный, который был выбит с держания застенка в селе Цуприковском. Этот застенок он получил от ее первого мужа К. Ходкевича (1580). Вероятно, из-за финансовых трудностей Б. Соломерецкая заложила село Олешковичи в имении Тростеница, Андрею Миколаевичу Скиндеру и его жене Анне Шимановне Завадской (1585)⁹¹.

87 *Ibidem*, к. 192–206, 208–214, 220–228, 230–232, 234–240, 242–251, 266, 269–273.

88 AGAD, AR, dz. 5, sygn. 14830.

89 AGAD, AR, dz. 23, teka 54, plik 10, k. 104, 107–109, 113, 122, 126–130, 132.

90 Документ был внесен в Городенские земские книги 16 января 1584 г. НГАБ, ф. 1755, воп. 1, спр. 9, арк. 915–920.

91 *Опись документов Виленского центрального Архива древних актовых книг*, вып. 10: *Акты Бресткого гродского суда за 1575–1717*, Вильна 1913, с. 41, 136, 156, 256.

92 НГАБ, КМФ-18, спр. 274, арк. 229–229 адв.

93 Данный документ поврежден и некоторые фрагменты документа не видны. НГАБ, ф. 1741, воп. 1, спр. 2, арк. 214–216 адв.

Барбара судилась с берестейским монастырем св. Троицы. Дело было перенесено на другой срок (1582)⁹². 8 июня 1584 г. разбирались в Берестейском земском суде жалоба на Б. Соломерецкую от берестейских шляхтичей. Жаловался Андрей Стефанович от имени отца Стефана Якимовича и своих младших братьев, что 30 октября 1582 г. она находилась в своем имении Тростеница и наслала своих подданных тростеницкого урядника Федора Василевича, слугу Баналовского, тростеницкого тиуна на их земли. В результате нападения был причинен большой вред, избиты подданные, забрали их деньги и движимое имущество. Их действия показывает отрывок из документа: «[наехали] на подданных ихъ Стефановичов на селцо Маковки на дом подданог(о) их Зенца Маковня и зоставшы деи самог(о) тог(о) Зенца Маковня чоловека старог(о) збили и змордовали и зняли з него кожух барании новый куплений за грошей семдесятъ, сермягу новую жъ серую купленную за грошей сорок шест, у сына деи его Каца добывшыся в клет взяли готовых грошей копь чотыри, сукна простог(о) локот двадц(а)т локот купеный по пети грошей литовских полотна кукжелног(о) поставов два ворком было локот сорок шест, а в другом тридцат пят, хуст белых немало, мужских и женских сорочок за коп пят сермяг, две куплены по петидесятъ грошей». Но по причине неявки ответчицы в суд дело не было закончено⁹³.

После смерти второго мужа Соломерецкая была занята судебными делами и решением различных имущественных проблем, в том числе с родственниками Давойны. Ей не удалось сохранить все владения второго мужа. Часть отошла родственникам, а часть Радзивиллам.

Конфликт с Гаврилом Горностаем

Гаврила Горностай, помогавший Соломерецкой в решении ее дел, быстро сам оказался в роли жертвы. 1 ноября 1578 г. Барбара Соломерецкая подала жалобу в Лидский гродский суд на Г. Горностаю, так как он забрал ее документы и движимое имущество и не хотел возвращать. Документы ей были нужны для ведения дела с М. Радзивиллом и другими лицами. Между Соломерецкой и Горностаем было достигнуто соглашение. В Виленском гродском суде был подписан документ 24 декабря 1578 г. В суд приехали Г. Горностай и Б. Соломерецкая, а кричевский староста Миколай Служка и Мартин Палецкий не прибыли. Берестейский воевода свидетельствовал, что в 1578 г. был вызван в Лидский гродский суд по вопросу имения Болотное (Лидский повет). До приговора не дошло, так как договорился с Б. Соломерецкой на 17 марта 1579 г. о возвращении ей документов. А она должна была ему выплатить 3 000 коп литовских грошей. В случае невозможности выплатить, имение Болотное переходило в залог Куриловичи отдавались под суму 500 коп. 23 мая. 1579 г. Соломерецкая сделала дарственную запись на имение Куриловичи (Полоцкий повет). Горностай вернул все документы Соломерецкой, отказался от ее дарственных. В листе от 23 мая Соломерецкая приказала куриловичскому уряднику Тихону Гласку передать собственность. 9 июня состоялся ввод во владение, а 31 ноября был составлен реестр подданных⁹⁴.

Однако еще в письме от 12 июля 1579 г. слуга Лев Маркович сообщил Г. Горностаю, что Куриловичи не полностью перешли в его владение. При этом в письме была отмечена о внешней опасности от Московского княжества, так как еще продолжалась Ливонская война: «а небезпечность война, бо наши языков што и час достовают а они наших нижле болшы неславять одно к няволи веи у во Пъскове, а царя

94 AGAD, APR, sygn. 322, k. 390–391, 395–396, 400–401, 403, 407, 414, 419–420, 424, 428–430, 435–438, 466–471.

95 Ядигар-Мухаммед, Джан-Мухаммед, после крещения в православие – Симеон Касаевич. После взятия Казани был оставлен живым, участвовал в Ливонской войне на стороне Московского княжества.

Семьона козанского⁹⁵ з людомъ што и час до Полоцка сподавають». Эта информация спровоцировала судебную жалобу со стороны Горностая. 3 декабря 1579 г. от имени канцлера ВКЛ Остафея Воловича Б. Соломерецкой был направлен вызов в Берестейский городский суд. В нем отмечалось о препятствиях держать имение Куриловичи, невыплату долгов с имущества. Повестка была передана Соломерецкой в Тростенице 6 декабря. Берестейский городский суд вынес решение передать Куриловичи полностью, вместе с селом Крынки (1580). Кроме того, присудили компенсацию Горностаю в сумме 8000 коп на имении Тростеница. На суд Соломерецкая не явилась. При дополнительном рассмотрении дела 3 марта 1580 г. канцлером ВКЛ О. Воловичем, луцким и берестейским епископом Викторианом Вербицким, менским воеводой Миколаем и берестейским каштеляном Богданом Павловичами Сапегами решение Берестейского городского суда было признано правильным. На процессе защитником интересов Соломерецкой выступал Ф. Лимонт. Причем он настаивал на неправомерных действиях против княжны со стороны Горностая. Когда 22 марта берестейский возный Мартин Токаревский по приказу берестейского подстаросты Мельхера Райского и городского судьи Василия Горновского пытался выполнить решение суда и ввести во владение Горностая Тростеницей, ему не дали это сделать слуги Барбары (см. приложение 4). Филипп Лимонт со слугами не пустил его в горницу, а урядник Федор – к Соломерецкой. Лимонт вырвал из рук увязчий лист, а другой служебник Криштоф Война выгнал в шею возного со двора и на протяжении всей дороги его оскорблял. Слуги по приказу хозяйки не подчинились решению суда и оказали сопротивление государственному представителю, проявили преданность Соломерецкой и защищали ее интересы, несмотря на их незаконность. 29 марта городской судья Василий Черноруцкий с возным и шляхтой

пытался ввести Горностаю снова во владение имением, но Ф. Лимонт не позволил это сделать. Он сказал, что Соломярецкая находится в имении Ишчольно, а также, что имеет приказ не пускать в имение Горностаю, так как судебные дела с ним еще не закончились. Урядники вынуждены были уехать, и сообщили обо всем монарху Стефану Баторию. 30 марта было уже направлена повестка Соломерецкой с требованием явиться в суд к Баторию. Лист такого же содержания было 25 марта 1582 г.⁹⁶ За оказание сопротивления представителям власти Б. Соломярецкая не была казнена, как и ее служебники.

Дальше дело набирало все большие обороты. Главный Трибунал ВКЛ в Новгороде 25 сентября 1582 г. рассматривал жалобу Соломерецкой, которую представил адвокат Ф. Лимонт. Он оспаривал залог за невведение во владение Крынками и присуждение 8000 коп на Тростенице. В результате Трибунал отменил решение Берестейского гродского суда, так как ущерба Горностаю не было нанесено. 29 марта 1584 г. Б. Соломерецкая составляет новую дарственную запись на Куриловичи Горностаю. Было вписано условие о залоге 6000 коп на случай его вызова в суд. 9 декабря 1584 г. из Лидского земского суда был направлен Соломерецкой лист, в котором ей напоминалось приехать к Полоцку или отправить представителя, чтобы 31 января 1585 г., по новому календарю, Г. Горностаю передать Куриловичи. А 3 мая 1586 г. Стефан Баторий приказал берестейскому воеводе вернуть Куриловичи Полоцкому воеводству, так как они были даны Давойне как выслуга. Проблемы с имением и потери заставили воеводу требовать через Лидский гродский суд другое имение или компенсацию в сумме 6000 коп (30 сентября 1586 г.)⁹⁷. По сути борьба за Куриловичи стала для Горностаю потерей, о чем он сам позже отмечал.

Но после 22 февраля 1586 г. дело набирает новую мощь. Спровоцировала это внесение фальшивого

96 AGAD, APR, sygn. 322, k. 30–31, 440–442, 446, 453–456, 464–471, 486–487, 491–492, 496, 500–501, 541, 543–544, 559–568, 571–577, 581–582, 586–588, 622, 626, 646.

97 AGAD, APR, sygn. 322, k. 630–635, 738–739, 743, 812–813, 853–854.

98 Само содержание фальсификата не описано. AGAD, APR, sygn. 322, k. 386–389, 536–540, 816–818, 822–823, 858, 864–866, 870–872, 885, 893, 897, 905, 906, 910, 912, 916, 920, 961–970.

99 *Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego 1582–1696*, t. 1, Warszawa 2007, с. 30.

документа в Новгородский гродский суд от имени берестейского воеводы. Документ записал новгородский намесник Ян Буйна. Его вместе с писарем Александром Полонским его обвиняли в фальсификации. При этом Я. Буйна характеризовался как порядочный шляхтич. Но со слов урядников следовало, что в Новгородок приехал важный шляхтич с большим количеством слуг. При нем была шляхтянка. Шляхтич представился Горностаям и просил записать документ. Урядники не знали лично Горностая, поэтому не заподозрили неправовых действий. Во время разбирательства новгородский подвоевода Миколай Эйсмонт свидетельствовал, что видел его с Б. Соломерецкой в Новгороде только во время сессии Трибунала. Как выяснилось, сам берестейский воевода в то время находился в другом месте и не мог подать документ. Это спровоцировало жалобы Горностая и судебный процесс. Новгородский воевода Миколай Радзивилл рассматривал дело вместе с речицким подкоморием Елиашем Жабой, новгородским земским подсудком Каспером Кереновским и Григорием Униховским. Виновной была признана Соломерецкая, а урядники были освобождены от ответственности (12 февраля 1588 г.). Однако Главный Трибунал ВКЛ от 31 ноября 1588 г. после присяги признал шляхтянку невиноватой, так как на фальшивом документе не было ее печати и подписи, а свидетелей она не знала⁹⁸. Но если учесть, что депутатами Трибунала не всегда избирались люди понимающее законодательство, то решение в пользу Соломерецкой не вызывают удивления. Тем более, что несоответствующие приговоры имели место⁹⁹. В связи с тем, что это был высший суд ВКЛ, то оспорить решение уже было невозможно.

Сам случай отлично показывает манипуляции с судебной системой. Действительно, если урядники персонально не знают личность, то за нее можно выдать любого. Главное обставить правильно спектакль

в соответствии со шляхетскими традициями. Сразу фальшивый документ становится законным. При этом важно инициатору не поставить свою печать и подпись, чтобы не понести наказание.

Наверное, после этого случая Соломерецкая пыталась идти на перемирие. Сохранилось два черновика. Написаны они были после 1586 г. В первом Барбара обещала отменить запись Лидского гродского суда и не препятствовать Горностаю. А во втором Соломерецкая обвиняла Ф. Лимонта во взятии долгов и иницировании дела против Горностаю без ее ведома¹⁰⁰. Схема использовалась уже ранее. Обвинить в своих преступлениях другого, того кто представлял ее интересы.

Отдельно стоит обратить внимание на ряд черновики Г. Горностаю, появившихся во время этого процесса. Они не содержат дат, но по пунктам расписывают правонарушения Соломерецкой. Согласно перечню событий можно говорить, что документы были составлены примерно в 1586 г. Из первой записи следует, что в деле по Куриловичам Горностаю получил больше убытка (40 000 коп), чем прибыли. А само имение оказалось «пустым» (см. приложение 5).

Второй документ приводит перечень преступлений Соломерецкой (см. приложение 6). После смерти первого мужа Константина опекун Григорий Ходкевич распространил информацию, что в его смерти виновата жена. Кроме того, она подменила завещание и в суд подала фальшивый документ. Второй муж С. Давойна также стал жертвой ее преступлений. Соломерецкая сговорила со слугами, написала два документа на Ищольну: один на пожизненное для нее пользование, а другой – на вечное владение. Она подпоила Давойну и дала подписать второй документ. А когда он узнал про обман, то она уехала, захватив пустые листы с печатями. За преступление грозила смертная казнь, и Соломерецкая была вынуждена пойти на перемирие. Но при этом она заманила

¹⁰⁰ AGAD, APR, sygn. 322, k. 366–769, 372–379.

¹⁰¹ Упомянутые документы за 1572, 1573 гг. нами описывались выше.

полоцкого воеводу в Тростеницу и там снова сделала фальшивые записи, которые записали в Берестейском гродском суде. Мало того, они были поданы в Метрику ВКЛ¹⁰¹. Муж ее выгнал из Вселюба. Когда воевода не захотел идти на перемирие, то решила его сжечь живьем в Ищольне. Для этого приготовила простыню со смолой. Также Горностай упомянул о мошенничестве с именями Болотная, Куриловичи. Для того, чтобы получить во владение Лысицу воспользовалась отсутствием хозяйки, жены новгородского хоружия Павла Подаревского – Анны Гайковны. Заперла детей и челядь, вместо Гайковны посадила бабу, которая передала владение возному. Из епископских книг были удалены жалобы Давойны на Соломерецкую. По ее приказу были убиты Семиловский и Ленарт Пшездецкий. Кроме того, она хотела убить родного брата Богдана. Фальшивые займы записала на М. Радзивилла (100 000 коп) и Г. Горностая (80 000 коп). Сама сожгла дом в Тростенице и обвинила в этом пана Степановича. Записала фальшивый запись в Новгородский гродский суд, обманула урядников. Этот документ дополняет другой, в котором подается перечень судов, где нужно искать доказательства преступлений Соломерецкой (см. приложение 7). Горностай приводит довольно интересную информацию о Б. Соломерецкой, представляющей ее в другом свете. Из нее следует, что она не пренебрегала ни какими средствами для достижения целей. Однако информация о ее преступлениях была известна. Не один раз могли вынести смертный приговор. Горностай, зная о этом помогал, пока сам не стал жертвой. Все попытки остановить Соломерецкую были безуспешны.

О сборе доказательств свидетельствует выписка из слонимских гродских книг (17 апреля 1588 г.). Станислав Черницкий от имени Г. Горностая 16 апреля 1587 г. был в Новгороде и безуспешно пытался получить документы от урядников. Но вынужден был

подать жалобу на новгородского панаместника Яна Буйну, новгородского гродского писаря Александра Полонского. Упоминаются следующие выписки: 1) документ, где полоцкий воевода Станислав Давойна рассказывал как жена его отравила, о ее отъезде с привилеями и имуществом; 2) документ о введении в Лысицу обманным путем; 3) соглашение с Анной Гайковной; 4) свидетельство об убийстве Ленарта Пшездецкого; 5) фальшивая запись от имени Горностая от 22 февраля 1586 г.; 6) право Лимонта требовать от Горностая в Трибунале 10 000 коп¹⁰².

Кроме того, некоторые выписки подтверждают правдивость слов Горностая. В Трибунале ВКЛ, который был в Новгороде 20 сентября 1584 г., было представлено свидетельство возных за 11 сентября по розыску тела покойного Ленарта Пшездецкого и его слуги. Они приехали к имению Колпенки в Новгородском повете, которое принадлежало виленскому епископу Юрию Радзивиллу. Пастух Гришко Бартломеевич свидетельствовал, что 11 сентября нашел тело в бору и привел к нему возных. Это же подтвердил второй пастух Войцех, сын колпеницкого тиуна Мартина Андреевича. Недалеко от первого нашли второе тело, в черном ермаке, с завязанными назад руками. В первом признали Пшездецкого. У него были раны на лице, голове, теле. Свидетели рассказали, что 1 сентября их поймали и замордовали слуги Б. Соломерецкой¹⁰³. Результат этого дела не удалось обнаружить.

Барбара Соломерецкая предпринимает с третьим мужем Ф. Лимонтом другое судебное дело против Горностая. 23 мая 1579 г. в Вильно на Трибунале ВКЛ было принято постановление, что имения, которые она записала Горностаю под долги и на вечное владение он не имеет права отдавать под залог по зарукой в 10 000 коп. А Великий Лунин в 1575 г. был заставлен Войне Богушевичу Ясенскому. Соломерецкая подала жалобу на Горностая в Трибунал ВКЛ и суд

¹⁰² AGAD, APR, sygn. 322, k. 887–889; sygn. 324, k. 40–41.

¹⁰³ AGAD, APR, sygn. 324, k. 35.

¹⁰⁴ AGAD, APR, sygn. 322, k. 640–642, 843, 846–848, 882–883, 989–991.

¹⁰⁵ *Ibidem*, k. 922–924, 928, 932–934, 938–940, 944–946, 977–983, 995, 996, 999, 1021–1022, 1023–1031, 1039–1042, 1047–1049.

¹⁰⁶ AGAD, APR, sygn. 324, k. 69–70.

присудил ему выплатить заруку, 10 000 (1586). Эти деньги пробовал получить Лимонт через трибунал в Менске 30 ноября 1586 г., но не имел от Соломерецкой соответствующих документов. Право взыскать деньги как муж он получил 4 декабря 1586 г.¹⁰⁴

Но в 1588 г. Гаврила умер и его дело был вынужден продолжать сын Иероним с матерью Барбарой Ласкай. Инициатива перешла уже к Лимонтам, и дело о заруке в 10 000 коп было снова рассмотрено. Судебные процессы имели место в 1589, 1591 гг. Лимонты обвинили Горностаев передачу в заклад Лунина Ясенскому, требовали имение Болотное и др.¹⁰⁵ Помощь Соломерецкой вылились в большие финансовые потери для семьи Горностаев. В 1593 г. этот судебный процесс заканчивается. За 5000 злотых Лимонты соглашаются отменить судебное дело и отдать документы. Иероним Горностаев не мог выплатить эту сумму и по его просьбе это сделал канцлер ВКЛ Лев Сапега¹⁰⁶. Почему долг у Ясенского приобрел такое продолжение не понятно, так как предыдущие документы свидетельствуют о решении этого дела еще в 1577 г.

Еще один спор был из-за имения Петеш (Виленское воеводство). Его получил Гаврила при разделе наследства с братом. В 1581 г. под залог имущества он одалживает у виленского купца Андирса Фондерфлета 2000 коп литовских грошей. С этим имением оказывается невероятная ситуация. Его каким-то образом купила Б. Соломерецкая в 1586 г., а Горностаев как собственник об этом ничего не знал. Фондерфлет получил письмо от Горностаев под датой 24 ноября 1587 г., в котором последний писал о продаже имения и просил принять деньги от Соломерецкой за долг (см. приложение 8). Поместье «новой владелицы» он не передал, поэтому получил повестку в суд (1588). Про это Фондерфлет сразу написал Барбаре Лацкой, так как после смерти мужа она занималась этим делом. Петеш был ей передан мужем за долги. В свою

очередь в письме виленскому купцу Лацкому напоминала, что он не может вводить во владение Соломерецкую, так как не являлся его собственником (1588). Пытаясь не доводить до суда дело Б. Лацкая написала письмо Лимонту и его жене, где доказывала, что ей принадлежит Петеш и к нему они не имеют отношения (см. приложение 9). В 1594 г. появляется запись от Иеронима Горностая о передаче имения Соломерецкой и ее мужу, которая была внесена в Трибунале в Люблине в 1595 г. Но Горностай не мог продать имущество, так как был изгнанником из государства на то время, не имел права это делать, так как имущество принадлежало его матери. Подозрительным является внесение документа в Трибунале в Люблине, так как этот суд не входил в судебную систему ВКЛ, а также быстрая продажа имения. Упомянутая запись дала возможность Лимонту и его жене продать владение казначею ВКЛ Лукашу Мамоничу (1595), а тот перепродал зятю Владимиру Жаховскому (1602). Только последнего виленский возный Миколай Залесский ввел во владение. Лимонты делают два фальсификата, продают имущество и втягивают наследников Гаврила в долгий судебный процесс со следующими владельцами¹⁰⁷.

Данное дело ярко показывает, что правовые методы борьбы с преступниками не срабатывали. Наоборот правонарушители использовали судебную систему в свою пользу. Гаврила Горностай собирал документы для доказательства преступления, но они не нашли соответствующей реализации.

Соломерецкая очень удачно использовала пробелы в законодательстве и судебной системе. Она сумела их обернуть в свою пользу, выиграть в тех ситуациях, за которых обычно назначали смертную казнь. За свои действия княжна не однократно должна была получить высшую казнь: за фальсификацию документов, убийство шляхтича, попытку убийства мужа и брата (Статут 1566, разд. 1, ст. 12; разд. 11, ст. 2,

¹⁰⁷ AGAD, APR, sygn. 366, k. 102–104, 290, 294, 306–307, 309–310, 314–315, 319, 321–322, 340–342, 345, 347, 396–400, 413, 414, 417, 427, 428, 436, 439–443 и др.

¹⁰⁸ При анализе истории рода Лимонтов в Лидском повете материалы архива Горностаев не были использованы. Поэтому статья содержит ошибочную информацию. С. Данськіх, *Шляхта італьянскага паходжання ў Лідскім павеце ВКЛ: пытанні рэцэпцыі і асіміляцыі* [в:] *Павятовая шляхта ВКЛ: гісторыя, геральдыка, генеалогія, культура (XVI–XVIII ст.). Матэрыялы навуковай канферэнцыі, Горадня, 18 лютага 2005 г.*, Горадня 2006, с. 65–66.

10, 17). В лучшем случае ее ждало тюремное заключение и денежные взыскания. Однако со свои действия Соломерецкая не была наказана.

Можно говорить, что женщина была аферисткой высокого уровня. Талант преступника помогала реализовывать природная женственность. При опасности она сразу заключала соглашения, вызвала к себе жалость, давала ложные обещания. Причем эти манипуляции проводились неоднократно с одними и теми же лицами. Чтобы склонить на свою сторону Соломерецкая использовала все возможные методы: обман, подкуп, угрозы. В ситуации, где она была виновата, могла использовать и нападение: подать жалобу с ложной информацией. Несомненно, что достигать успеха в своих делах и обходить наказания помогали хорошие актерские способности и умение обманывать. Соломерецкая использовала людей для своих целей. Как правило, в ее сферу попадали мужчины, ведь они были при власти и деньгах. Для своих целей она использовала родственников, супругов, людей при власти, служебников. Соломерецкая выходила из любых ситуаций, при необходимости перекидывала ответственность на тех людей, которые ей помогали. Так получилось с Горностаем, Лимонтом.

Случай Соломерецкий – это пока единственный, попавшийся в документах. Его не получается сравнить с другими. Вообще женская преступность такого рода не была распространена в ВКЛ. Поэтому и действия судебной власти можно соотносить с законодательством, а не исходя из судебной практики.

Третий брак с Ф. Лимонтом: не один черт лапти стоптал, пока пару подобрал

Род Лимонтов относят в историографии к итальянскому происхождению¹⁰⁸. Каспер Несецкий утверждает, что род происходил из Флоренции. Информация,

представленная о нем в гербовниках, отрывочная и не всегда соответствует историческим фактам. Адам Банецкий называет первым Лимонтом рыцаря, который подписал документ Витовта 1388 г.¹⁰⁹ Однако, его очень трудно связать без дополнительных документов с отцом Филиппа – Жданом Лимонтом. Про его известно, что он с Василием Рогозом бы отправлен Панами-Радой в 1563 г. для описание границ Райгорода и Гонендза¹¹⁰. После он выступал как виж, которого направил земский подскарбий ВКЛ Остафей Волович по делу вилькомирского державцы Яна Кмиты и городенского войскового, троцкого ключника и подключника Бенедикта Васильевича Протасовича (1564)¹¹¹.

Реестр документов в фонде Радзивиллов по фольварку Скришев (Новгородское воеводство) представляют другие сведения о роде Лимонтов. В 1569 г. Ждан Михалович Лимонт и его брат Война продали свои части имения Скришев жене витебского воеводы Станислава Кишки – Анне Радзивилловне. В 1591 г. Война Михайлович и Федор Жданович Лимонты, Ян и Богуш Павловичи Раецкие, Лев Григоревич и его жена, Тимофей Борисович оформили продажу на свои части фольварка Скришев виленскому каштеляну Яну Кишке¹¹². Реестры не дают возможность полностью представить порядок наследования в семье Лимонтов, а также выявить всех детей. Эта фрагментарная информация позволяет узнать, что у Войны и Ждана был отец Михаил, который по наследству передал сыновьям имение. У Ждана был не только сын Филипп, но и Федор. Кроме того, после разделов имения финансовое состояние представителей рода Лимонтов значительно ухудшилось. Поэтому не удивительно, что Филипп искал другие возможности.

Проследить полностью биографию Филиппа Лимонта не представляется возможным. Однако в документах он часто фигурировал не с наилучшей стороны. На совместном сеймике шляхты Новгородского, Виленского и Троцкого воеводств

¹⁰⁹ A. Boniecki, *Herbarz Polski*, t. 14, Warszawa 1911, с. 262; K. Niesiecki, *Herbarz Polski*, t. 6, Lipsk 1841, с. 100–101.

¹¹⁰ J. Maroszek, *Pogranicze Litwy i Koroony...*, с. 168.

¹¹¹ НГАБ, КМФ-18, спр. 261, арк. 71–72.

¹¹² AGAD, AR, Rękopisy biblioteczne, sygn. VIII-7, k. 203–204.

¹¹³ А. Радаман, *Шляхецікія з'езды і соймакі Новагородскага павеата і праблема ўзнікнення каптуровых судоў у Вялікім Княстве Літоўскім, Рускім і Жамойцкім у час бескаралеўяў другой паловы XVI ст.*, «Вестник Академии МВД Республики Беларусь» 2004, № 1, с. 134–135.

¹¹⁴ AGAD, APR, sygn. 322, k. 297–301.

¹¹⁵ AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 187.

в Рудниках в сентябре 1572 г. господарский маршалок и новгородский земский судья Мальхер Сновский Гравж узнал своего коня, который был украден в его имени Щеновичи еще 25 июля. В краже был обвинен Ян Рыбинский. Но он утверждал, что получил лошадь от Ф. Лимонта. Дело имело продолжение. В 1573 г. Ф. Лимонт с Аношкой Полуяновичем, новгородским шляхтичем, а также его сыновьями, невесткой, дочерью и многочисленными помощниками напали на имение и дворы Сновского в Новгородском повете. На рассмотрение дела в Новгородском коптуровом суде явился только Аношка Полуянович, которому была присуждена смертная казнь. Согласно листу от 6 мая 1574 г. Генриха Валуа, которое было выдано М. Сновскому, А. Полуянович, Ф. Лимонт признавались преступниками, которых нужно было задержать¹¹³. Однако, как следует из следующих документов, решение монарха не было реализовано.

В окружении Соломярецкой Ф. Лимонт впервые встречается как свидетель в документах в 1575 г., когда в Ишкольди Г. Горноста́й одолжил 1000 коп у новгородского землянина В. Ясенского и его жены Л. Иванкевичевны¹¹⁴. В 1580 г., в качестве новгородского шляхтича, он указан среди свидетелей, подписавших документ Анны Павловны Гайковны, вдовы новгородского хоружия Павла Подаревского, и сына Миколая при получении от Соломерецкой 1000 коп за заложенное имение Лысицу. В оригинале сохранилась печать и подпись Лимонта на старобелорусском языке¹¹⁵.

С каких пор находился при Соломерецкой Лимонт сказать трудно. Однако очевидно, что он был в курсе ее дел. Так 16 марта 1579 г. через Лимонта Соломерецкая внесла документ в Новгородский гродский суд. В 1580 г. он вместе с другими слугами не дает берестейскому возному передать Горностаю Тростеницу, выступает адвокатом на процессе с Горностаем (1580,

1582). Как муж Лимонт фигурирует в 1586 г.¹¹⁶ Они вместе ведут судебные процессы против Горностая и других лиц.

Присутствие Лимонта в судах в качестве адвоката свидетельствует об осведомленности в юридических делах. А значит он знал не только закон, но и как его обходить. В этом интересы Соломерецкой и Лимонта сошлись. Он знал ее нарушениях и помогал избежать наказания. Соответственно, это дало возможность войти в доверие, а после и стать мужем. После ряда скандалов Б. Соломерецкая вряд ли могла рассчитывать на соответствующую партию. Тем более, что в брачных стратегиях княжеский титул был более привлекателен для поветовой знати, чем для элиты государственного уровня.

Несмотря на скандальную репутацию, королевский дворянин Ф. Лимонт участвовал в политической жизни страны. В 1597 г. на сейме представлял интересы Лидского повета вместе с виленским городским писарем Щастным Богуматкой, где говорил о неудовольствии политической ситуаций в Речи Посполитой от имени поветовой шляхты. Лимонт был избран в Трибунал ВКЛ в 1593, 1600 и 1605 гг.¹¹⁷ Он упоминается как участник православного собора 1596 г. в качестве посла трибунала ВКЛ¹¹⁸. При этом 16 ноября 1597 г. Лимонт получил лист на изгнание из ВКЛ в связи с делом с лидским шляхтичем Станиславом Бычковским и сопротивлением исполнению приговоров. Кроме того, присудили 2322 коп литовских грошей на всем его имуществе¹¹⁹.

После приведенных фактов кажется невероятным, что уголовник имел авторитет в повете, да еще со статусом изгнанника. Если должности занимают представители поветовой знати, а после представляют интересы повета, то это понятно. Однако в Лидском повете Лимонт появляется из-за отношений с Соломерецкой. Скандалы, связанные с неправовыми действиями были известны в ВКЛ. Кроме того, дела

¹¹⁶ AGAD, APR, sygn. 322, k. 386–389, 407, 496, 571–577, 630–635.

¹¹⁷ *Dyaryusze sejmowe r. 1597: w dodatkach akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego Sejmu*, Kraków 1907, с. 421; У. Падалінскі, *Палітычная эліта Лідскага павета ў апошняй трэці XVI ст.*, «Беларускі Гістарычны Агляд» 2009, т. 16, сш. 1 (30), с. 15, 16, 23.

¹¹⁸ Л. Тимошенко, *Берестейська унія 1596 р.*, Дрогобич 2004, с. 181.

¹¹⁹ НГАБ, КМФ-18, спр. 285, арк. 300–300 адв.

Соломерецкой рассматривались в Трибунале, а Лимонт избирался туда депутатом. Можем только высказать мнение, что для избрания он использовал все возможные и не самые приличные способы.

Последний этап жизни Барбары Соломерецкой представлен в завещании, сохранившемся в двух экземплярах (см. приложение 10). Причем обе выписки с Главного Трибунала ВКЛ под датой 22 июня 1595 г., но написаны разными почерками. Составлены документы были 23 мая 1595 г. в Вильно. Согласно воле шляхтянки, ее должны были похоронить в Ищольнском костеле. Однако на похороны и костел деньги не были выделены, возможно по причине прежних благотворительных записей. Лимонт назначался опекуном для их детей: сыновей Юрия и Миколая и дочери Еве. Но родную сестру Раину Барбара просила забрать к себе дочь на воспитание. Ей муж должен был давать по 100 золотых ежегодно на проживание, пока не выйдет замуж. На него возлагалась обязанность выдать замуж, дать приданое 1000 коп литовских грошей и 1000 коп в движимом имуществе. А если муж умрет на то время, то обязанность переходила на сыновей. Соломерецкая подтвердила пожизненное проживание Филиппу на имениях Ишчольно, Щучин и фольварках тех имений. Право вечного пользования он получил на имение Болотное (Лидский повет), которое перешло от Давойны, и на то время находилось в залоге у полоцкого подкомория Михаила Францковича. Покойному Мартину Палецкому были отданы в залог люди, их держала его жена. Поместье Петеш в Вильнском повете, который записал Иероним Горностай также переходило мужу. Свою половину Соломерецкая ему подарила, также как и Великий Лунин, полученный от Давойны, принадлежавший Новгородскому повету, а после разграничения – Пинскому. Все документы на владения Лимонт получил ранее. На него возлагалась обязанность выплатить долги, вознаградить по реестру

служебниц-шляхтянок, а также сделать свободной дворную челядь во всех фольварках. Дети и наследники получили право выкупить Ишкольд у К. Тенчинской. В связи с отсутствием виленских земских судьи и подсудка и гродских урядников свидетелями были приглашены виленский земский писарь Мельхер Петькевич, виленский гродский писарь Щастный Богуматка, Ярош Волчек, Пётр Гарабурда¹²⁰.

¹²⁰ AGAD, AR, dz. 23, teka 68, plik 1, k. 275–280, 281–285.

Само содержание документа производит неоднозначное впечатление. Станислав Давойна в документе называется первым мужем, а не вторым. Влияние Лимонта на содержание документа ощущается очень сильно, так как ему придается во всем преимущество. Почти все имущество переходит ему. Приданое дочери назначался из имущества матери, а не отца. Нет условия, что после смерти отца имущество переходит детям. По законодательству имущество матери делилось поровну между всеми детьми. А тут документ составляется как бы от имени мужчины, который выделяет приданое дочери, дает пожизненное проживание жене, единственное не называет наследниками сыновей.

Если читать только завещание Соломерецкой, не учитывая предыдущих документов, то представляется образ образцовой матери и жены. Она передает детей в опеку мужу, дарить ему имущество, что является контрастом на фоне событий с Давойной. Интересный момент относительно рождения детей. Первая беременность у нее была в 1570–1571 гг., а следующий раз примерно в 1586 г. или позже. При этом рождается в браке трое детей. Если предполагать, что первый раз Соломерецкая могла выйти замуж примерно в 16–20 лет, то третий – 32–36. Это довольно существенный период между беременностями. А для того времени возраст был достаточно опасен для родов.

В дальнейших документах фигурировали сыновья Лимонта Миколай и Юрий. Они стали наследниками

¹²¹ НГАБ, Ф. 1839, воп. 1, спр. 1, арк. 167–188 адв.

¹²² K. Niesiecki, *op.cit.*, с. 101; S. Uru-ski, *Rodzina. Herbarz szlachty polskiej*, t. 9, Warszawa 1912, с. 52.

Ищольно. Юрий на 1614 г. уже умер. Завещанием среди других опекуном для своих детей Льва, Андрея и Сусанны он назначил брата. В Городенском подкаморском суде Миколай отстаивал интересы своих племянников по делу против сыновей подскарбия ВКЛ Деметрия Халецкого – валькиницкого старосты Криштофа и королевского секретаря и виленского войта Александра (1614). Так как дело касалось Городенского и Лидского поветов, то рассматривали его два подкомория – лидский Александр Полубинский и городенский Павел Волович. Дело касалось двора Ягодичского, его права владения и принадлежности к повету. Начал процесс еще Ф. Лимонт с мечником ВКЛ Яном Халецким (1600). В итоге оказалось, что было два населенных пункта Ягодичи. Один находился в Лидском уезде, а второй – в Городенском. Первый принадлежал к Ищольно. Миколай Лимонт подал на его документы (разграничение между Лидским и Городенским поветами, привилей Сигизмунда Августа Станиславу Андреевичу Давойне на двор Даниловский Ягодичи (1550), дарственная запись С. Давойны Соломерецкой (1572) и др.). Лимонт утверждал, что Халецкие держат владение, которое было отдано Касперу Кладинскому в суму 200 коп в заклад. Но оказалось, что С. Давойна продал Каменку со вторыми Ягодичами (Городенский повет) Кладинскому в 1572, а тот – Деметрию Халецкому. Таким образом, права владения осталось за Халецкими¹²¹.

Известно, что Миколай Лимонт получил должность лидского войского. У него был сын Мартин (?–1670), фигурировал в качестве лидского земского судьи (1652), василишского старосты, витебского каштеляна (1667). Он финансировал доминиканский монастырь в Василишках в 1658 г.¹²²

Относительно религии заметим, что для Лимонтов основным стал костел св. Троицы в Ищольне, который был основан подкоморием ВКЛ Андреем Давойном в 1515 г. Была назначена выплата десятины

с имения Ишчольно, а также даны 10 подданных, 4 волоки для засева, пруд на реке Ишчольно. Первый костел был деревянным. Барбара, крещенная в православие, сменила вероисповедание. Об этом свидетельствует завещание и запись Ишчольскому костелу (23 марта 1594 г.), которая была зафиксирована в визитации за 1738 г. Урядник должен был с имения давать денежные выплаты и продукты при ее жизни и после ее смерти. Позже ее запись подтвердил сын Миколай Лимонт и отметил, что в костеле должны проводиться службы за упокой душ его родителей и молиться за отпущение его грехов (7 мая 1618 г.)¹²³.

¹²³ Lietuvos Vaistybes istoriajos archyvas, f. 694, op. 1, b. 3381, l. 38, 60v–61.

Выводы

Благодаря Г. Горностаю сохранились документы, освещающие правонарушения Б. Соломерецкой. Конечно, в значительной степени информацию могли бы дополнить книги поветовых судов, но они за этот период не сохранились. В роду Соломерецких только Барбара отличилась своей криминальной деятельностью. Что и как сформировало ее характер, когда был переломный момент и чем он был вызван ответить однозначно на эти вопросы невозможно без дополнительных источников. Очевидно, что расцвет криминального таланта приходится на период второго брака с С. Давойном. Сам по себе случай нетипичный, так как не были в шляхетской среде распространены женские преступления такого плана.

Над Соломерецкой постоянно висел риск смертной казни, но она за свои действия не только не получила наказания, но еще сделала виновными своих жертв. Несмотря на собранный Горностаем материал против Барбары, она избежала наказания за фальсификацию, убийство, покушение на жизнь и прочее. Это удалось благодаря фальсификации, подкупу судей, их некомпетентности, ликвидации жалоб из книг.

Данная история представляет очень широкий спектр информации. В личной жизни Б. Соломерецкой представлены не только ее браки, семейные отношения, но и сведения о влиятельных людях ВКЛ, судебную систему, практику права.

BIBLIOGRAFIIA

ISTOCHNIKI

Archiwum Główne Aktów Dawnych (AGAD)

Archiwum Potockich z Radzyna, sygn. 322, 323, 324, 366.

Archiwum Radziwiłłów

dz. 1, sygn. 7441, 7736.

dz. 5, sygn. 12040, 14830.

dz. 11, sygn. 12, 16.

dz. 23, teka 51, 54, 68, 147.

Rękopisy biblioteczne, sygn. VIII-7.

Archiwum Narodowe w Krakowie (ANK)

Archiwum Młynowskie Chodkiewiczów, sygn. 38.

Biblioteka Raczyńskich

rkps 94.

Lietuvos mosklų akademijos Bibliotekas rankraščių skyrius (LMABRS)

f. 3–112.

f. 16–53.

f. 21–1217.

f. 77–1819.

Lietuvos Vaistybes istorijos archyvas

f. 694, op. 1, b. 3381.

Natsyianal'ny gistorychny arkhiv Belarusi (NGAB)

KMF-18, cpr. 28, 65, 261, 274, 278, 279, 285.

f. 694, vop. 1, spr. 19.

f. 1324, vop. 1, spr. 11.

f. 1741, vop. 1, spr. 2.

f. 1755, vop. 1, spr. 4, 6, 9.

f. 1839, vop. 1, cpr. 1.

Vilnaus Universiteto Mokslo Bibliotekos rankraščių skyrius

f. 72–1820.

OPUBLIKOVANNYE ISTOCHNIKI

*Akty otnosiashchiesia k istorii Zapadnoi Rossii sobrannye i izdannye
arkheograficheskoiu komissieiu*, t. 3: 1544–1587, Sankt-Peterburg 1848.

- Arkeograficheskii sbornik dokumentov odnosiaschikhsia k istorii Severo-zapadnoi Rusi*, t. 4, Viłna 1867.
- Dnevnik Liublinskogo seima 1569 goda: Soedinenie Velikogo kniazhestva Litovskogo s Korolevstvom Pol'skim*, Sankt-Peterburg 1869.
- Archiwum Komisji historycznej*, t. II, Kraków 1880.
- Dyaryusze sejmowe r. 1597: w dodatkach akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego Sejmu*, Kraków 1907.
- Leybowicz H., *Icones Familiae Ducalis Radivilianae*, Nieśwież 1758.
- Lietuvos Metrika*, kn. 1 (1380–1584), Užrašymų knyga 1, A. Baliulis ir R. Firkovičius (parengė), Vilnius 1998.
- Lietuvos Metrika (1540–1543)*, 12-joi Teismų bylą knyga, I. Valikonitė, N. Šlimienė, S. Viskantaitė-Saviščevienė, L. Steponavičienė (parengė), Vilnius 2007.
- Lietuvos metrika*, kn. 37: (1552–1561), Užrašymų knyga 37, D. Baronas (parengė), Vilnius 2011.
- Listy króla Zygmunta Augusta do Radziwiłłów*, I. Kaniewska (oprac.), Kraków 1999.
- Metryka Vialikaga kniastva Litoŭskaga*, kn. 28: (1522–1552 gg.), Minsk 2000.
- Opis' dokumentov Vilenskogo tsentral'nogo Arkhiva drevnikh aktovykh knig*, vyp. 10: *Akty Brestkogo grodskogo suda za 1575–1717*, Viłna 1913.
- Opisanie dokumentov i bumag khраниashchikhsia v Moskovskom arkhive Ministerstva iustitsii*, kn. 21, Moskva 1915.
- Pamiatniki istorii Vostochnoi Evropy. Istochniki XV–XVII v.*, t. 2: «*Vypiska iz posol'skikh knig*» o snosheniakh Rossiiskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim za 1547–1572 gg., Moskva–Varshava 1997.
- Polnoe sobranie russkikh letopisei*, t. 32, Moskva 1975.

LITERATURA

- Alexandrowicz S., Niemirowicz Andrzej [B:] *Polski słownik biograficzny*, t. 22, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1977, c. 803–807.
- Baglasaŭ S.G., Laptsevich L.G., *Ishchalnaŭski Troitski kastsel* [v:] *Arkhitektura Belarusi. Entsyklapedychny davednik*, Minsk 1993, c. 231.
- Bardach J., *Adopcja w prawie Litewskim XV–XVI w.* [v:] *Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego. XIV–XVII w.*, Warszawa 1970, c. 191–246.
- Boniecki A., *Herbarz Polski*, t. 14, Warszawa 1911.
- Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego 1582–1696*, t. 1, Warszawa 2007.
- Danskikh S., *Shliakhta ital'ianskaga pakhodzhanntia ū Lidskim pavetse VKL: pytanni retseptsyi i asimiliatsyi* [v:] *Paviatovaia shliakhta VKL: gistoryia, geraldyka, genealogiia, kul'tura (XVI–XVIII st.)*. *Materialy navukovai kanferentsyi, Goradnia, 18 liutaga 2005 g.*, Goradnia 2006, c. 57–68.

- Ferenc M., *Mikołaj Radziwiłł «Rudy». Działalność polityczna i wojskowa*, Kraków 2008.
- Glinski Ia.S., *Kniazi Drutskiiia-Liubetskiia ŷ kantsy XVI–XVII st.: rada-vod, maemasnae stanovichsha, gramadska-palitychnaia dzeinastŷ, «Arkhivaryus» 2016, vyp. 14, c. 327–346.*
- Herbarz Ignacego Kapicy Milewskiego (dopełnienie Niesieckiego)*, Kraków 1870.
- Ianushkevich A., *Pershae dzesiatsigoddze dzeinasti Astafeia Valovicha na dyplamatychnai arene (1553–1562 gg.) [v:] Valovichy ŷ gistoryi Vialikaga Kniastva Litoŷskaga XV–XVIII stst.*, Minsk 2014, c. 285–305.
- Ianushkevich A., *Zahop Polatska maskoŷskim voiskam u 1563 g.*, «Commentari Polocenses Historici» 2005, t. 2, c. 5–12.
- Jasnowski J., *Chodkiewicz Jerzy (Jury) [v:] Polski słownik biograficzny*, t. 3, Kraków 1937, c. 369.
- Jaszczolt T., *Ród Niemiry z Wsielubia – Niemirowiczowie i Szczytowie herbu Jastrzębiec do połowy XVI wieku [v:] Unia w Horodle na tle stosunków polsko-litewskich*, S. Górzynski (red.), Warszawa 2015, c. 175–245.
- Kempa T., *Sołomerecka z Hosckich Regina [v:] Polski słownik biograficzny*, t. 40 (3), z. 166, Warszawa–Kraków 2001, c. 325–326.
- Kempa T., *Sołomerecki Bohdan Iwanowicz [v:] Polski słownik biograficzny*, t. 40 (3), z. 166, Warszawa–Kraków 2001, c. 326–327.
- Kempa T., *Sołomerecki Iwan Wasylewicz [v:] Polski słownik biograficzny*, t. 40 (3), z. 166, Warszawa–Kraków 2001, c. 327–329.
- Kempa T., *Sołomerecki Mikołaj Lew [v:] Polski słownik biograficzny*, t. 40 (3), z. 166, Warszawa–Kraków 2001, c. 329.
- Kempa T., *Sołomerecki Wasyl Iwanowicz [v:] Polski słownik biograficzny*, t. 40 (3), z. 166, Warszawa–Kraków 2001, c. 329–330.
- Kirkiene G., *Korzenie rodu Chodkiewiczów*, «Białoruskie Zeszyty Historyczne» 2002, nr 17, c. 34–55.
- Kirkiene G., *LDK politikos elito galingiejji: Chodkevičiai XV–XVI amžiuje*, Vilnius 2008.
- Lappo I.I., *Velikoe kniazhestvo Litovskoe za vremia ot zakliucheniia Liublinskoi unii do smerti Stefana Batoriia (1569–1586)*, t. 1, Sankt-Peterburg 1901.
- Liubavskii M.K., *Litovsko-Russkii seim. Opyt po istorii uchrezhdeniia v sviazii s vnutrennim stroem i vneshnei zhizn'iu gosudarstva*, Moskva 1900.
- Malinovskii I., *Sbornik materialov otnosiashchikhsia k istorii panov Rady Velikogo Kniazhestva Litovskogo*, Tomsk 1902.
- Maroszek J., *Pogranicze Litwy i Korony w planach króla Zygmunta Augusta. Z historii dziejów realizacji myśli monarszej między Niemnem a Narwią*, Białystok 2000.

- Maroszek J., *Prawa i przywileje miasta i dóbr ziemskich Zabłudów XV–XVIII w.*, Białystok 1994.
- Michalewiczowa M., *Radziwiłł Jan* [v:] *Polski słownik biograficzny*, t. 30, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź 1987, c. 195–197.
- Mienicki R., *Stanisław Dowojno wojewoda połocki*, «Ateneum Wileńskie: Czasopismo Naukowe Poświęcone Badaniom Przeszłości Ziemi W.X. Litewskiego» 1937, t. 12, c. 404–481.
- Nasevich V., *U skladze Vialikaga kniastva Litoŭskaga* [v:] *Pamiats': Gist.-dakum. khronika Luninetskaga r-na*, Minsk 1995, c. 29–45.
- Niesiecki K., *Herbarz Polski*, t. 6, Lipsk 1841, c. 100–101.
- Padalinski U., *Palitychnaia elita Lidskaga paveta ŷ aposhniai tretsi XVI st.*, «Belaruskі Gistarychny Agliad» 2009, t. 16, ssh. 1 (30), c. 3–32.
- Padalinski U., Sobaleva L., *Liublinskaia uniiia 1569 g.* [v:] *Gistoryia Belarusi: U 6 t.*, t. 2: *Belarus' u peryiad Vialikaga Kniastva Litoŭskaga*, M. Kastsjuk (red.), Minsk 2008, c. 457–479.
- Pietkiewicz K., *Pierwsi kniaziovie Sołomiereccy* [v:] *Inter Regnum et Ducatum Studia ofiarowane Profesorowi Janowi Tęgowskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*, P. Guzowski, M. Liedke, K. Boroda (red.), Białystok 2018, c. 427–440.
- Ptaszycki S., *Dzieje rodów litewskich, jako materiał do archeologii historycznej*, «Ateneum. Pismo Naukowe i Literackie» 1888, t. III, z. 3, c. 525–538.
- Radaman A., *Patranal'na-kliental'nyia adnosiny ŷ Novagarodskim pavetse i ikh uplyŷ na palityku i dzeinasts' organaŷ shliakhetskaga samakiravannia ŷ drugoi palove XVI – pachatku XVII st.* [v:] *Magnatski dvor i satsyial'nae ŷzaemadzeianne (XV–XVIII stst.): zbornik navukovykh prats*, A.M. Ianushkevich (red.), Minsk 2014, c. 252–294.
- Radaman A., *Polatski zemski sud ŷ drugoi palove XVI – pershai tretsi XVII stst.* [v:] *Gistoryia i arkheologiia Polatski i Polatskai ziamli: Materyialy IV mizhnarodnai navukovai kanferentsyi*, Polatsk 2003, c. 216–227.
- Radaman A., *Shliakhetskiiia z'ezdy i soimiki Novagarodskaga paveta i prablema ŷzniknennia kapturovykh sudoŷ u Vialikim Kniastve Litoŭskim, Ruskim i Zhamoitskim u chas beskaraleŷyiaŷ drugoi palovy XVI st.*, «Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'» 2004, № 1, c. 132–136.
- Radaman A., Ianushkevich A., *Shliakhhta Novagarodskaga paveta ŷ paspalitym rushenni VKL 1567 goda* [v:] *Studia z dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego (XVI–XVIII wieku)*, S. Górzynski, M. Nagielski (red.), Warszawa 2014, c. 337–382.
- Semkowicz W., *O litewskich rodach bojarskich zbratanych ze szlachtą polską w Horodle roku 1413*, «Lituano-Slavica Posnaniensia» 1989, t. III, c. 7–139.

- Slizh N., *Iak viarnuts' zbegliuu zhonku: prygody z zhytstsia Ul'iany Garnastaevai z rodu Bagavitsinavichaŭ (?–1575)*, «Homo historicus» 2008, № 1, c. 78–91.
- Slizh N., *Les dziatsei Ivana Garnastaia, padskarbiia VKL*, «Białoruskie Zeszyty Historyczne» 2013, № 39, c. 38–72.
- Slizh N., *Malodshaia galina kniazhatskaga rodu Salamiaretskikh na Pishchynie*, «Arche. Pales'se: narody, ulady i voiny» 2010, № 3, c. 225–234.
- Slizh N., *Shliubnyia i pazashliubnyia stasunki shliakhty VKL u XVI–XVII stst.*, Smalensk 2015.
- Slizh N., *Siameinyia adnosiny i shliubnyia strategii Salamiaretskikh u 16 – pershai palove 17 st.*, «Gistarychny al'manakh» 2005, t. 11, c. 86–121.
- Slizh N., *Siam'ia Ivana Garnastaia, padskarbiia VKL*, «Białoruskie Zeszyty Historyczne» 2012, № 38, c. 7–46.
- Slizh N., *Spravazdacha ŭradnika maentka Aziarnitsa Ivanu Garnastaiu ab sel'ska-gaspadarchykh pratsakh (1553–1555)*, «Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy» 2014, vyp. 6, c. 270–296.
- Slizh N., *Tsarkva i manastyr u Starym Salamiarechchy*, «Arkhivaryus» 2008, № 6, c. 203–212.
- Slizh N., *Vaina za spadchynu ŭ siam'i Garnastaiay*, «Studia Historica Europae Orientalis. Issledovaniia po istorii Vostochnoi Evropy» 2015, vyp. 8, c. 242–258.
- Timoshenko L., *Beresteis'ka uniiia 1596 r.*, Drogobich 2004.
- Uruski S., *Rodzina. Herbarz szlachty polskiej*, t. 9, Warszawa 1912.
- Wolff J., *Kniaziovie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*, Warszawa 1895.
- Żychliński T., *Złota księga szlachty polskiej*, r. 2, Poznań 1880.
-